

Случайный
КОНТРАКТ
НАТАЛЬЯ РУЧЕЙ

Наталья Ручей

СЛУЧАЙНЫЙ КОНТРАКТ

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67870764

Аннотация

– Что вы здесь делаете? – удивляюсь я и натягиваю на себя одеяло, которое он успел с меня скинуть.

– Как что? – спрашивает он, устраиваясь на моей кровати. – Пункт семьдесят девятый нашего договора. Помнишь?

Вспомнишь тут, как же! У него стостраничный контракт! У меня не было времени столько читать!

– Я тебе помогу, – вкрадчиво сообщает он, и я уже надеюсь, что в нем есть хоть что-то хорошее, как вдруг... – Жена должна заботиться о том, чтобы муж пребывал в отличном расположении духа. Вот чувствую: я в шаге от того, что мое настроение испортится. Можно сказать, еле держусь!

– Смею напомнить, у нас с вами фиктивный брак! Без интима! Иначе вам полагается штраф.

– Да? – Он ненадолго задумывается, а потом склоняется надо мной и выдыхает мне в губы: – Плевать. Заплачу!

Содержание

Глава 1. Александр	5
Глава 2. Александр	13
Глава 3. Александр	23
Глава 4. Александр	32
Глава 5. Анжелика	43
Глава 6. Анжелика	54
Глава 7. Александр	68
Глава 8 Александр	79
Глава 9. Александр	92
Глава 10. Анжелика	108
Глава 11. Анжелика	121
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Наталья Ручей

Случайный контракт

– Что вы здесь делаете? – удивляюсь я и натягиваю на себя одеяло, которое он успел с меня скинуть.

– Как что? – спрашивает он, устраиваясь на моей кровати. – Пункт семьдесят девятый нашего договора. Помнишь?

Вспомнишь тут, как же! У него стостраничный контракт! У меня не было времени столько читать!

– Я тебе помогу, – вкрадчиво сообщает он, и я уже надеюсь, что в нем есть хоть что-то хорошее, как вдруг... – Жена должна заботиться о том, чтобы муж пребывал в отличном расположении духа. Вот чувствую: я в шаге от того, что мое настроение испортится. Можно сказать, еле держусь!

– Смеею напомнить, у нас с вами фиктивный брак! Без интима! Иначе вам полагается штраф.

– Да? – Он ненадолго задумывается, а потом склоняется надо мной и выдыхает мне в губы: – Плевать. Заплачу!

Глава 1. Александр

– Твою мать!

Я в шоке отшатываюсь назад, и тут же со стоном откидываюсь на подушки. Ощущение, будто вчера на вечеринке мне кто-то выстрелил в висок и случайно забыл закопать.

Зажмурившись, пытаюсь отдышаться.

Ну, если дышу – значит, не все так хреново. Есть шанс воскреснуть и отомстить – пригласить друзей сегодня продолжить.

– Выпейте, Александр Юрьевич, – раздаётся надо мной противное карканье.

Услышав знакомое шипение, с трудом приподнимаюсь и беру на ощупь стакан. Спустя минуту становится легче, и я открываю глаза. Боль прошла, но с похмелья все еще мерещится черт-те что. В буквальном смысле – только черти и знают, что это.

Я же в полном недоумении смотрю на сухонькую морщинистую тетку неопределённого возраста, в переднике, круглых очках и с пучком Фрекен Бок. Такие горничные в моем доме водились, когда мне было года два или три. Родители еще никак понять не могли, почему я каждое утро просыпаюсь с дикими криками. А потом отец как-то случайно уснул в моей комнате, открыл утром глаза... ну и...

На какое-то время горничные в нашем доме перевелись.

Теперь у меня давно собственный дом, и горничные здесь бывают исключительно такие, с которыми не страшно не только проснуться, но и уснуть.

Смотрю на ту, что дежурит возле моей кровати, и лишний раз убеждаюсь, что все-таки нужен был испытательный срок! Обычно горничные его легко проходили: мне достаточно было посмотреть на их декольте, а им увидеть мой дом. С этой я, похоже, все-таки просчитался.

А ведь какие были рекомендации! «Она хорошенькая!», «Потом ты не сможешь понять, как вообще без нее обходился!», «Она все, что тебе нужно в доме!». Мне даже ее представили... и точно до того, как я поднял первую рюмку.

– Слушай... – я щелкаю пальцами, тщетно пытаюсь нащупать в памяти ее имя.

– Рита, – подсказывает она.

– Точно!

Я даже облегченно выдыхаю: сошлось! Ну да, я же помню, что брал на работу молодую, хорошенькую, с красивым именем и с третьим размером груди. А не эту высохшую шкурку от мандарина с печальными ушками спаниеля.

Все-таки вчера перепил.

Нужно еще отлежаться.

А пока... исключительно для перестраховки.

– Слушай, Рита, найди линзы и введи себе за правило делать макияж до моего пробуждения. Тогда есть шанс, что сработаемся.

– Хорошо, – раздается надменное карканье. – Но в таком случае я жду от вас ответного жеста. Перестаньте по утрам материться.

Дверь закрывается.

С хлопком.

Ну все, теперь уже не усну, пока не выясню, что это только что было. Спихнув себя с кровати, иду в ванную. Мимо зеркала прохожу с опаской: мало ли, вдруг там изменения еще похлеще, чем с Ритой? Облегченно выдыхаю, когда узнаю себя в отражении.

Пока принимаю душ, пока одеваюсь... Спускаюсь в столовую минут через десять. Как по мне, я дал Рите приличную фору, чтобы снова вернуться в красавицу.

Она стоит спиной, накрывает на стол. Платье унылое, похоже на униформу. Надо будет ей намекнуть, что я люблю наблюдать, когда покороче.

– Доброе утро! – говорю вежливо.

Первый день девушка, нехорошо ее сразу пугать. Пусть начала привыкнет, расслабится...

– Доброе утро.

Пока я пытаюсь отойти от ее скрипучего голоса, она оборачивается, и у меня случается второй шок за утро.

Лучше бы и правда пуля в висок.

Очков нет. Наверное, вставила линзы. А вот все остальное, включая возраст, пучок и ушки спаниеля, осталось. Плюс добавилась помада морковного цвета и синие тени.

– Вы кто?

– Рита. Вчера вы приняли меня на работу.

Она вручает мне какие-то бумаги. Листаю их: так, контракт на трудоустройство... так-так... моя подпись... а вы-ше...

– Твою мать!

От суммы в контакте в голове включается «колесико», которое послушно отматывает в памяти сутки назад. Так... вчера был мой день рождения... собрались друзья... Один привел красивую девушку, сказал, что это моя новая горничная, которая готова подписать со мной контракт хоть сейчас на целых полгода! Я еще под горячую руку уволил свою: еще бы, такая замена!

– У меня для вас есть хорошая новость. Так как вы перешли на «вы», мы с вами точно сработаемся. Даже если вы изредка по привычке будете материться, – радует меня поблажками Фрекен Бок. – А еще ваш завтрак готов. Присаживайтесь к столу.

– Минуту.

Меня так бомбит, что деликатности хватает только на то, чтобы выйти в прихожую. Достав смартфон, звоню тому, кто мне обеспечил такой щедрый подарок.

– Слушай, Яров, – говорю я, пропуская все церемонии, – ты не слишком круто устроился? Мало того, что спихнул мне бабушку своей жены, так еще и выбил для нее сумасшедший оклад!

– Быстро ты оклемался, – без тени смущения говорит тот. – Я думал тебя только через неделю услышать.

– Сработала интуиция. Почувствовал, что ты собираешься меня разорить!

– Кому я только доверяю составлять свое завещание? – бухтит он. – Ты контракт внимательно прочитал? Да, оклад у Маргариты Аркадьевны весьма солидный, но все расходы я беру на себя. Это тебе мой подарок. И нет, это не бабушка Иры. Она приличная женщина, хорошо обеспеченная. Знаешь, сколько лет она копила на смерть? Она мне точно не в тягость. Зачем бы мне ее к тебе пристраивать?

– Наверное, затем, что дом престарелых обойдется дороже? А так бабка при деле, под ногами не крутится! Опять же, снова может откладывать.

Он смеется. Раньше хоть было понятно: Яров смеется – жди неприятностей. С тех пор, как женился, хрен знаешь, что у него на уме. Конечно, его можно понять, вместе с женой ему втюхали бабку и кошку. Но я давлю жалость в зародыше. Таковую подставу устроил в благодарность за двадцать лет дружбы.

– Не она это. Вспомни. Ты же ее видел на свадьбе.

– На свадьбе мне было на кого посмотреть кроме бабки. Слушай, Яров, меня достало это гадание на бабках. Как друга прошу: забирай свой подарок обратно. Он не испорчен, я ведь еще толком не злился, так что уши у нее не заложены, тремора нет, глаз не дергается. Считай, я с твоего подарка

даже упаковку не снял! Верну в прежнем виде!

Про синие тени и губы цвета моркови благоразумно молчу. Его жена в положении, еще не захочет пугать. Ничего, заплачу бабке – умоется. Я ее быстренько отвезу и верну свою прежнюю горничную. Бедняжка, она наверняка рыдает, что я ее вчера так бессердечно уволил. Надо будет купить ей какую-то побрякушку.

Яров молчит. Я уже надеюсь, что он согласился. Но этот старый интриган в своем духе.

– Если ты ворчишь только по поводу Маргариты Аркадьевны, значит, второй контракт еще не читал?

Шок.

Стресс.

А потом я припоминаю тост Ярова про половинки в жизни и пожелание мне поскорее встретить свою... припоминаю, как я молча киваю, лишь бы он поскорее заткнулся... И хватаюсь за сердце. А что, если он поверил, что я дико страдаю и...

– Твою мать! Я что, согласился на этой бабке жениться?!

Отличный подарок. Больше похоже на месть. Лет двадцать назад было такое, что моими стараниями его чуть не развели на приличные деньги. Но это пустяк. Я ведь не пытался испортить ему личную жизнь!

– Прочти, – советует Яров. – Контракт у Маргариты Аркадьевны.

На душе становится легче. Если бы я и правда согласился

на ней жениться, она уже занимала бы льготную очередь в загсе. А она вон на кухне шуршит и воспитывает.

Зайдя на кухню, я застаю новую горничную стоящей у стола. На лице ни единой эмоции, хотя она слышала весь разговор, в том числе и то, что я солидно накинул ей возраст. Бабушке Ярова около девяноста, этой лет шестьдесят, возможно, чуть больше. Теперь, когда я ее хорошо рассмотрел и стало понятно, что просто линзы и макияж ничего особенно не изменят, называть ее Ритой не поворачивается язык.

– Маргарита... Аркадьевна.

Она оборачивается, берет с подоконника документ и молча передает его мне.

Одна страница. Даже расписки обычно длиннее, поэтому читаю я быстро. Стараясь откинуть эмоции. Составлен по всем правилам, с моей подписью, но такая задорная чушь!

«Воронов Александр Юрьевич... Договор на услуги свахи Толстых Аллы Геннадьевны... Действителен в течение месяца... Обязан пройти тестирование, анкетирование, сходить минимум на одно свидание... так-так... После этого договор может быть расторгнут...»

Останавливаюсь, стараясь припомнить, что пил вчера Яров. Такое ощущение, что на вечеринку принес что-то свое. От того, что там было, так плющить его не могло.

Без особого интереса возвращаюсь к листку.

«Цена данной услуги составляет...»

Твою мать! Да за эти деньги можно нанять три бабки в год!

«Услуга оплачена Яровым Матвеем Сергеевичем».

Нет, тут только пить мало. Так сходят с ума.

Разорвав листок, я кладу его на стол. Потом беру и снова рву еще на более мелкие части. Горничная за всем наблюдает невозмутимо. Так и быть, если ей нечем больше заняться, пусть пока потусуетя в доме. А горничную свою я верну.

– Ваш завтрак, – доносится уже в спину.

Обернувшись, смотрю на овсянку, которая меня поджидала.

– Спасибо. По утрам я ем мясо. Перекушу где-нибудь по дороге.

– Как вам будет угодно. Но хочу вас предупредить, что придерживаюсь принципов правильного питания.

– Ваше дело. – Она согласно моргает, синие тени блестят, и я под впечатлением добавляю: – Да, кстати, я считаю себя не вправе отказываться от принципа естественной красоты. Впредь можете обходиться без макияжа. А еще вам идет это платье. Думаю, это ваша длина.

– Спасибо.

Я уже снова в дверях, когда она добавляет:

– Матвей Сергеевич просил передать, что на случай, если вы не успели запомнить нужные контакты, второй экземпляр договора находится в вашем сейфе. А третий, если что, у него.

Глава 2. Александр

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – елеиным голосом интересуется девушка-консультант и выдвигает витрину с кольцами. – Мне кажется, вы ищете что-то особенное. Если вы подскажите, для кого выбираете подарок...

– Для любовницы, которую вчера бросил, а сегодня хочу вернуть.

Улыбка девушки чуть меркнет, но она быстро берет себя в руки и выдвигает витрину с сережками. Выбор не становится легче. А торчать здесь еще полчаса не хочу.

– Вы бы за какие простили?

– Вас? – Она быстро проходится по мне взглядом. – Со-стоятельный, видный, свободный. Если честно, я крутила бы хвостом до тех пор, пока вы все-таки не пришли бы за кольцом.

Лишнее доказательство, что всегда нужно полагаться исключительно на себя. Марина даже не думала строить далеко идущие планы, ее все устраивало. И в доме всегда был порядок, и в постели не скучно.

А я вчера ее выгнал.

Чтобы забить чувство вины, выбираю серьги, где и золота много, и натуральные камни под цвет ее глаз.

– Заходите, – растроганно предлагает девушка-консультант. – Будем рады вас видеть.

– В ближайшее время не ждите.

Адрес Марины я помню – сам ее несколько раз подвозил. Спальный район, съемная двушка с подружкой. Небось, сидит там, горюет, подушка в слезах. Все-таки целых два месяца была под моим надежным крылом.

Но, подъезжая к ее парадному, понимаю, что положение еще хуже. Она не просто горюет – ее уже выставили за дверь. Стоит бедолага на улице, вокруг нее три увесистых чемодана. Хрупкая, в короткой юбке, несмотря на то, что уже ноябрь, беззащитно оглядывается по сторонам.

– Александр Юрьевич? – удивляется она, когда я выхожу из машины. – Что вы здесь делаете?

– Поехали.

Подхватываю за ручки пару ее чемоданов и качу их к багажнику. Она бежит следом.

– Александр Юрьевич, не надо!

Одна часть меня тоже противится такому повороту событий, но не оставлять же ее на улице? Потерплю.

– Не переживай. Пока поедем ко мне, потом помогу снять квартиру.

Я поднимаю чемодан, чтобы закинуть в багажник, но она цепляется за него мертвой хваткой. Уважаю, даже похлеще меня держится за свою независимость.

Сзади начинает кто-то сигналить, поэтому я снова берусь за чемодан. Но Марина тянет его на себя. А покрутив головой, начинает лепетать:

– Александр Юрьевич, я рада, что вы приехали попрощаться. Но у меня мало времени. Мне нужно в аэропорт! Я об этом всю жизнь мечтала, а тут такая удача!

О чем она, прости Господи? О том поселке, в который поехала себе не возвращаться? В той дыре с какого-то перепугу построили аэропорт? Ну да, чем не повод ломануться обратно.

И улыбается... Подумать только, до какой степени ее подкосило внезапное увольнение.

– Никогда не надо сдаваться, – говорю ей. – Ну подумаешь, лишилась работы! Всегда можно найти другую. Тем более с твоими-то перспективами!

Она слегка розовеет, начинает тяжело дышать, отчего ее куртка еще больше распахивается и демонстрирует глубокое декольте.

– Хватит болтать, – говорю. – Садись в машину и грейся.

– Да я как раз и собираюсь... – мямлит она, рассматривая носки своей обуви, а потом поднимает глаза. – Александр Юрьевич, я в Грецию уезжаю!

– Отдыхать?

– И отдыхать тоже. А вообще, я познакомилась с одним мужчиной, греком. Мы долго с ним переписывались. Он предлагал выйти замуж, но я все сомневалась. Его зовут Вазилийос. Он совершенно замечательный!

Выпить вчера у меня дома она не успела. По ходу, не шутит.

– А если он тебе не понравится?

– Вернусь обратно, но не сразу, – пожимает она плечами. –

Ваш друг мне выдал такую компенсацию, что я могу позволить себе немного попутешествовать.

– Такси? – спрашиваю, кивнув на машину, которая снова нетерпеливо сигналиит.

– Да.

Я снова подхватываю ее чемоданы и качу их к машине. Укладываю в багажник. Марина молча стоит у меня за спиной, а потом жалобно спрашивает:

– Вы не обиделись?

– Только на то, что хотела уехать, не попрощавшись.

Она улыбается. А я достаю коробочку с серьгами и отдаю ей. Открыв ее, она долго смотрит на них, а потом обнимает меня.

– Спасибо! Спасибо, вы такой замечательный!

Хмыкнув, отстраняю ее.

– Езжай, а то опоздаешь.

Она садится в машину. Долго машет рукой. Надеюсь, она права и тот, кого назвали в честь вазелина, плохим быть не может.

Сев в свою машину, набираю зачинщика всех этих перемен.

– Я смотрю, ты вчера всем, кроме именинника, нормальные подарки вручал. Твоими стараниями моя горничная уехала в Грецию. А я, кстати, в отпуске не был лет пять.

– Ну, это исправить нетрудно, – отзывается тот. – Вот переделаешь мое завещание – заработаешь на билеты.

Уже дважды за год. А ведь был такой спокойный клиент... Сначала завещание переделывали из-за рождения его внучки. Потом Яров решил, что и сам может еще раз попробовать, и настарался на двойню вместе с новой женой. Он что там, планирует идти на рекорд?

Хотя так, как он платит...

– Ладно, заеду – обсудим.

Я решаю не откладывать встречу. Узнаю детали вчерашнего – а то мало ли какие в моей жизни еще перемены. Заодно и позавтракаю. Характер у него отвратительный. Но что в нем хорошего, помимо платежеспособности, – он тоже по мясу.

Воскресенье, а машин на дорогах полно. Особенно на светофорах. Кто-то нервно дергается. Я предвкушаю, как буду держать в руках длинный шампур, и благодушно терплю. Но стоит зажечься зеленому...

– Твою мать!

Резко бью по тормозам, но куда там? Она так неслась...

И откуда она только взялась? Белое пятно – все, что я помню. Белое пятно, которое ударяется о капот.

Выскочив из машины, я смотрю на женщину, которая лежит на дороге. Ноги... Вижу только ее ноги... Длинные, стройные... Кажется неправильным, что такие ноги – и вот так... на дороге...

Взгляд медленно ползет вверх. Темные разметавшиеся волосы, белое пальто, белая крыса...

Что?!

А эта тварь тут откуда?

Быстро она прибежала, а ведь пострадавшая еще дышит. Склонившись над женщиной, бегло осматриваю: на первый взгляд все в порядке. Может, она не столько ударилась, сколько испугалась? Схватив крысу за хвостик, поднимаю ее вверх.

– Ух ты, какая! – слышу позади себя восхищенное восклицание.

Обернувшись, вижу мальчишку, который с круглыми глазами смотрит на пострадавшую.

– Мал еще.

Он ржет, тычет пальцем на крысу и уверенно говорит:

– Эта красивей!

– Я же говорю: мал еще. Ладно, держи. Я выбираю другую.

Пацан с этой крысой возвращается на тротуар, а я поворачиваюсь к пострадавшей, которая начинает подавать признаки жизни.

И глаза открывает, и садится. По ходу, все обошлось, есть повод запить мясо чем-то приличным.

Очень хочется вставить ей на место мозги. Какого черта она бросается под машину? Видела же, что уже загорелся зеленый! А в другом ряду вообще неслась фура!

Но она и без того выглядит подавленно. Поправляет во-

лосы, осматривается по сторонам. А любопытных-то собралось! Помогаю ей подняться – вроде бы нормально, делает шаг. Но я решаю не рисковать.

– Садитесь.

Усаживаю ее в машину. Она снова осматривается. Что-то ищет? Сумочка ее на месте, перекинута через грудь. Наверное, просто стресс. Мы останавливаемся на перекрестке, я пытаюсь припомнить, где здесь поблизости клиника. Удачно выруливаю из потока машин и бросаю взгляд в сторону пассажирки.

А она ничего, симпатичная. Большие глаза, пухлые губы, темно-каштановые длинные волосы, фигурка что надо, ноги я уже оценил. Лет... нет, сегодня больше судить о возрасте не возьмусь. За двадцать пять точно. Может, лет тридцать?

Молчит. Только снова начинает крутить головой. Шея, что ли, задета?

– Как вы себя чувствуете?

– Вашими стараниями... – роняет она недовольно, осматривая одежду.

– Что правда, то правда. Если бы я не постарался, от вас бы, скорее всего, только пальто и осталось.

Она бросает в мою сторону гневный взгляд. А потом опять переключается на пальто.

– Грязное...

– Мой вам совет. В следующий раз надумаете скакать под машину – выбирайте солнечную погоду.

Она тяжело выдыхает. Достает из сумочки влажные салфетки и усердно начинает оттирать грязь с одежды. А потом застывает и с ужасом смотрит на меня.

– Ириска... Я потеряла Ириску! Пожалуйста, поверните обратно!

Открыв бардачок, достаю ей пачку шоколадных орешков.

– Нет, вы не понимаете! Ириска – это крыса! Она у меня на передержке была. Из-за жестокого обращения у нее что-то с лапкой. Я несла ее в ветеринарную клинику, а тут вы...

– Не переживайте. Бывает и хуже. Я ехал к лучшему другу на шашлыки, а тут вы...

– Я должна вернуться! Как вы не понимаете? С ней и так плохо обращались, получается, теперь и я ее бросила. А если она... Если вы не отвезете меня обратно...

– То что?

Возвращаться в поток машин не хочу. До клиники уже не так далеко. Попрошу их в первую очередь проверить у нее голову: кажется, она всерьез пострадала.

– Вы уехали с места ДТП. Вы знаете, что вам за это полагается?

– А вы?

Усмехнувшись, она снова лезет в сумочку, достает визитку и протягивает ее мне. Читаю: «Лисовская Анжелика Генриховна, частный нотариус, адрес...»

– Неплохо. – Достая свою визитку. – А это на случай, если вы усомнитесь, что бы ждало вас в случае оформления ДТП.

Ну ты же умная девочка, да? Пожалуй, что так. Читает, ее глаза бегут по строкам визитки, а пухлые губы беззвучно произносят: «Воронов Александр Юрьевич, владелец юридической компании «Воронов»... Самой крупной в городе. Наверняка она о ней слышала. Все, кто более-менее в теме, слышали.

Она снова делает глубокий вдох, отчего приподнимается ее бюст. Всего секунды, что я отвлекаюсь, хватает, чтобы у нее началась паника. Она даже пытается дергать за ручку двери, но та заблокирована.

– Смотрю, у вас серьезные намерения сегодня самоубиться!

Хочет продолжить, но натывается на мой взгляд и послушно откидывается на спинку сиденья.

Ну что за день такой, а?

Развернув машину, с трудом втискиваюсь в поток из металла. Некоторые, видя «Мерс», предпочитают сами пропустить. Кто-то догадывается только после того, как видит меня.

Пацана на перекресте, ожидаемо, нет. Но я его замечаю идущим по дороге возле магазинчиков.

– Жди здесь.

Прижав машину к обочине, догоняю пацана. Он обнимает крысу, явно не желая ее отдавать.

– Что, – кивает в сторону машины, – вы все-таки решили, что эта девочка лучше, чем та?

Если бы. Я достаю из бумажника деньги и протягиваю ему.

– Ого! – радуется он. – Это я могу их теперь много купить! А еще купить какой-нибудь подарок для Вики из третьего «Б»!

– Мой тебе совет. Учись правильно выбирать уже сейчас. Купи лучше себе мороженого.

Глава 3. Александр

– Ну как ты? – трогательно спрашивает моя пассажирка, когда я подхожу.

Надо же, волнуется. Даже из машины выскочила навстречу.

– Нормально. Только руки нужно будет мыть раз двадцать, не меньше.

Наградив меня неприветливым взглядом, она берет крысу и, ласково поглаживая ее, повторяет:

– Ну как ты? Сильно испугалась? Еще бы, мужчины в основном понятия не имеют, как правильно обращаться с женщинами.

– Сознаюсь, – говорю я, косясь на крысу, которая машет ей хвостом, – таких извращений за мной не водилось. Но мне как-то даже не стыдно.

Отойдя к машине, достаю салфетки и методично начинаю тереть ладони и пальцы. После третьей салфетки кожа достаточно пропитывается отдушками, чтобы можно было какое-то время терпеть. У Ярова окроплю руки водкой.

– Тебя подвезти? – спрашиваю, обернувшись. – Или поищешь другую жертву для ДТП? Если второй вариант, поторопись. Светофор как раз загорелся зеленым.

Вообще-то, я надеюсь, что она откажется. Но нет, Анжелика марширует к машине, а встретив мой взгляд, поясняет.

– Ириска сегодня и так натерпелась, а моя машина в ремонте.

– Угу, – киваю. – Я читал в новостях: вагоны метро и правда ни к черту.

Хотя странно. Обычно лучшие тачки в городе как раз у нотариусов. Эта, скорее всего, только начинает карьеру. Поздновато, конечно. Но с такой внешностью ей точно было чем заняться до того, как закопаться в бумаги.

– Куда тебя подбросить? – спрашиваю, трогая с места.

– Бросок вверх на капоте мне не очень понравился. Поэтому буду благодарна, если подвезете к ветеринарной клинике. Адрес я подскажу.

И сидит, задумчиво чешет пузо крысе. Позволяет той ползать у себя по плечу. По-моему, все-таки рановато отбрасывать мою идею с травмпунктом. Меня слегка передергивает, когда животное начинает обнюхивать ее шею.

– Новый способ свести счеты с жизнью?

– То, что я второй раз села в вашу машину? Да, весьма опрометчиво. Вы совсем не следите за скоростью.

– Вот так и делай доброе дело. Помня о лапке, я просто стараюсь поскорее доставить пострадавшую к доктору.

Она улыбается, но почему-то не хочет, чтобы я это увидел. Отворачивается к окну и что-то нашептывает хвостатой.

– Слушай, как ты работаешь с таким-то характером? Этак к тебе приведут три амбала старушку с деменцией, скажут, что она мечтает завещать им квартиру в центре города, а са-

ма только и думает о том, чтобы пожить в избушке в деревне. И ты, небось, подумаешь: конечно, бабушке свежий воздух полезен!

– Угу. А еще, когда ко мне приходит клиент, чтобы заключить сделку купли-продажи, а я вижу, что у квартиры уже есть владелец, я думаю: ничего, потеснятся! На всех отдельных квартир не хватает!

Она лезет в сумочку, демонстративно достает мою визитку, кладет ее обратно.

– Александр Юрьевич, моя доброта выходит за берега только с животными. С людьми... – Она глубоко вздыхает. – С людьми я обычно веду себя так, как они заслужили.

Сказав это, она снова принимается лепетать над Ириской. Со мной она говорит другим тоном. Неприятно, конечно, осознавать, что я хуже крысы, но терпеть такое сравнение остается недолго.

Спустя минут пять я высаживаю ее у ветеринарной клиники. Чтобы не оставлять ей ни единого шанса до нее не дойти, заезжаю на тротуар.

– Правила – это не ваше? – спрашивает она, обернувшись. Киваю.

– И не твое.

По глазам вижу: хочет снова что-то сказать, но ее отвлекает писк крысы. Тяжело вздохнув, она покидает машину. Да уж, красивая женщина и крыса. Хотя, может, и не такой плохой дружественный союз: глядишь, и научится у своей

хвостатой знакомой молчать. Зуб даю, лапка у той не просто так пострадала.

Яров мой намек понимает как надо: еще в начале улицы слышу, как жарятся шашлыки. Даже настроение улучшается.

Въехав в открывающиеся после сигнала ворота, застаю его у мангала. Мангал почему-то стоит не за домом, как раньше, хотя там было гораздо удобней.

– Ты после свадьбы, смотрю, совсем обленился? Перетащил мангал почти на крыльцо.

– Это чтобы сразу видеть незваных гостей, – ворчит тот, – и обходиться предупредительным выстрелом.

– А еще подобрел.

Усмехается. Правда, что ли, поверил? Ладно, не в моих интересах занижать эту планку. Пусть думает, что он добрый, авось все проще получится.

– Руку пока не жму, – предупреждаю его. – Пойду сначала помою.

Он косится на мои ладони и опять усмехается.

– Трудный первый день без привычной горничной? Да уж постарайся, помой.

Ну, от молодоженов других мыслей не ждешь, им кажется, что вокруг них тоже все озабоченные. И потом, его версия событий куда правдоподобней моей. Сбил женщину с крысой, потом почти устроил крысе закрытый аукцион...

Обычно на аукционах что-то приличное покупают: картины, антиквариат, девственниц, наконец. А я... Только и уте-

шает, что обошелся мороженым.

Я уже открываю дверь дома, когда вслед несется брюзжание:

– На всякий случай, если ты забыл, что ванная комната есть и на первом этаже, и надумаешь прогуляться до второго, скажу: у меня на сейфе надежный код. Подбирать его бесполезно.

Не знаю, то ли обидеться, что посчитал меня таким идиотом. То ли порадоваться, что записал меня в медвежатники. А это все же тяжелая профессия и весьма уважаемая в определенных кругах. В общем, пока раздумываю, раз пять мою руки с мылом. Выхожу со шлейфом душераздирающих горных роз и йогурта. По крайней мере, производители эту вонь описали именно так.

– Полей, – прошу, кивая на водку.

Матвей переворачивает бутылку.

– Хватит, пожалуй, – бухтит. – Остальное используем по назначению.

Пока шашлыки доходят, мы наливаем по рюмочке. Потом еще по одной. Закусываем огурчиками, которые вкусно хрустят.

– Вещь! – хвалю, когда тянусь за другим.

– Бабушка Иры закатывала. Та самая, которую ты к себе в горничные брать не хотел.

Я морщусь.

– Кстати, в тему про бабок... Подпись на контракте свою

я узнал, тут не спорю. Но точно помню, что ты мне молодую показывал! Такая, знаешь, блондинка, с губами, ну и... – Рисую руками круги. – Я бы сказал: аппетитная.

Матвей возвращается к шашлыкам, потом достает на блюдо по два шампура.

– Аппетитная, говоришь? На вот, а то еще пойдет слух, что Яров гостей голодом морит.

Мы выпиваем еще по одной, закусываем уже мясом.

– Так блондинка была?

– Была одна. Рина. С Захаром пришла. Я тебе как раз рассказывал про Маргариту Аркадьевну, ты сидел, кивал, соглашался, договорились, что она начинает с утра. Контракт подписал, на радостях уволил прежнюю горничную. А потом еще выпил и, видимо, решил, что без горничной ночь не выдержишься. В общем, мы тебя от Рины с трудом отодрали.

Нехорошо получилось. Захар – мой старый приятель. Побрякушкой из ювелирного не отделаешься. Надо будет позвонить, извиниться.

Душевно сидим. Только у меня все время ощущение, что я держу в руках крысу, которая жрет йогурт из роз и изредка лакает из мисочки водку.

– Слушай, – говорю я, – ты не слышишь какой-то... специфический запах?

И тут я думаю, дело в том, что Яров заметил: я кошусь на бутылку. И понял, что будет, если он не признается.

Махнув рукой, зовет за собой. Заходим мы за угол дома,

еще чуть дальше, еще, а там...

– Твою мать! – выдыхаю я, зажав нос и глядя на поле из оранжевых цветов, которые во всем виноваты. – Чую, ты ко мне в ближайшее время не по поводу нового завещания придешь, а по вопросам развода.

А Яров ничего. Стойко держится. Еще и лицо кирпичом.

– Моя жена очень любит эти цветы. Я у нее спрашивал: почему? Она сказала, что у нее дежавю. Они ей напоминают про старый бабушкин домик в деревне.

– А я-то все гадал, как она за тебя замуж пошла? Теперь-то понятно: после такого тяжелого детства ее ничего не пугает.

Характер у него скверный. Если ему кто не понравится, может посыпать приправами из таких неприятностей, что, когда он решит их поглотить, они будут пищать от благодарности и припадать на колени. Ну о чем говорить, если он даже другу подсунул почти брачный контракт!

– Кстати... – говорю я, когда мы, отдышавшись, снова садимся за стол. – Договор все-таки отдашь или у тебя слишком сильное желание отвести меня под венец?

– Договор есть договор, ты это как никто понимаешь, – говорит он миролюбиво. – Но, думаю, тебе не о чем волноваться. Заполни тесты, пройди анкетирование, встретиться со свахой – что там еще? И расслабься.

– А свидания? – спрашиваю я с подозрением.

Что уж в его версии все выглядит слишком просто.

– Ну, одно, может, Алла тебе и устроит. Но что тебе вол-

новаться? Тебе пошел уже сорок шестой, ни жены, ни детей, с таким рвением и не будет...

Что-то в его описании моя холостяцкая жизнь выглядит не так привлекательно, как в реальности.

– Мне пока сорок пять.

– Вчера было сорок пять. Сегодня уже сорок шестой пошел, – занудствует Яров. – Не успеешь оглянуться, будет, как мне, пятьдесят. Только у меня взрослый сын, невестка-умница и третья жена-красавица, а у тебя все так и останется. Ты же, чуть что серьезное намечается, сразу достаешь свой стостраничный контракт. Сколько ты лет уже им отбиваешься? Ну, если что, опять отобьешься. Такую дуру, чтобы его подписала, вряд ли найти.

– И то правда!

Мы с удовольствием пьем за умных женщин. А оно же и в тему. И мне с ними везет столько лет. И Ярову тоже свезло. Какая у него жена понимающая! Целый день проводит с подругой на шопинге – и детскому миру радость, и отдых мужчинам.

Одному, правда, сегодня приходится поработать. Так как мы долго обсуждали лазейки в контракте со свахой, для обратной дороги Яров выделяет мне своего водителя. Костя тоже отличный парень – всю дорогу молчит.

А дома у меня благодать. Дверь закрыта. Горничная, видимо, уехала к себе. Тишина. Спросить бы у нее, откуда у нее ключи от моего дома, но второй раз чувствовать себя ду-

раком неохота. Наверняка сам ей дал.

После яровских огурцов до одури хочется пить. Что-то у меня там имелось: какая-то газировка, ну и покрепче. Прямой наводкой иду к холодильнику, открываю дверь и...

Зелень, овощи, вода без газа, сок, какой-то контейнер с едой и записка:

«Александр Юрьевич, так как вы поддержали мою идею с правильным питанием, я убрала из холодильника все вредные продукты. Первую партию полезной еды купила на свое усмотрение.

Когда у вас будет время, обсудим с вами меню детальней.

Чеки прилагаю. Эту сумму вычту из той, которую вы мне завтра оставите на расходы.

Приготовила вам на ужин филе со спаржей и лавандовым соусом.

Приятного аппетита».

Ну не знаю, стоит ли уточнять, что после прогулки по душистому цветочному полю Ярова спать я ложусь голодным?

И с намерением завтра же обсудить меню с новой горничной.

И с мыслью, что, пожалуй, так быстро на бабки меня еще никто не раскручивал.

Бабки... куда ни плюнь, опять бабки...

– Твою мать!

Глава 4. Александр

– Все-таки есть от нее польза...

Я тянусь за бутылкой минералки, которая стоит на тумбочке. В горле сушняк, при одной мысли о том, как по нему пробегутся веселые пузырьки, сразу становится лучше.

И ходит она бесшумно. От каблучков Марины по утрам иногда еще больше трещала башка. Похоже, она все-таки приживется.

Сняв крышку, переворачиваю бутылку и едва не давлюсь. Отдышавшись, смотрю на этикетку: «без газа».

Так, ладно. Быстрый душ, завтрак и разговор, который дольше не стоит откладывать. Горничная обнаруживается на кухне. Уже не в платье, но тоже в чем-то довольно унылом – пойдет.

– Доброе утро, – услышав мои шаги, она оборачивается.

Да, сегодня на ней сарафан, под ним белая блуза. Хорошо, что бретельки на сарафане толстые, да еще крепятся на какие-то массивные чудаковатые пуговицы, а в зоне декольте вставка как будто от фартука, потому что блуза полупрозрачная. Жарко ей, что ли?

– Доброе.

– Ваш завтрак готов, Александр Юрьевич. Когда вам будет удобно обсудить важные детали: во время приема пищи или после него?

Сначала я склоняюсь ко второму предложению. А потом смотрю на то, что она приготовила, и понимаю, что, пока я в сознании, лучше поскорее добраться до офиса.

– Я учла ваше пожелание насчет мяса, – хвалится Фрекен Бок. – И сделала так, чтобы это не шло вразрез с правильным питанием.

Ну да. На фоне массивной порции гречки мне даже не сразу удается рассмотреть три каких-то заморыша. До того, как она сказала про мясо, я был уверен, что это грибы. Еще и приправленные каким-то... какой-то...

– Что это? Вот это, сбоку от каши?

– Печень под соусом из цветков жасмина. Попробуйте.

– Так...

От моего выдоха занавеска на кухне надувается парусом. А, нет, это открыта форточка. Ну все правильно: она, даже пока готовила тут, задыхалась. А я должен это попробовать!

– Маргарита... Аркадьевна, вы правы, нам многое пора обсудить.

Обычно после этой фразы кто-то из моих подчиненных скорбно идет к листам бумаги и начинает писать по собственному, не доводя меня до греха. Она же расплывается в довольной улыбке. Но да, листок предъявляет.

Взяв его, читаю: «Обезжиренный творог, домашний йогурт, яблоки, морковь...» Мясо в самом конце, да и то представлено не в самом привлекательном виде: «Куриная грудка, говяжья печень, индюшка». До «итога» дохожу на одной

силе воли. И исключительно благодаря ей же рву листок не на мелкие части, а всего лишь на две.

– Не подходит.

Она так тяжело дышит, что у нее даже грудь больше становится и морщинки разглаживаются. Куда там пластическим клиникам? Я омолаживаю одним своим взглядом.

– Но вы же сами вчера...

– Вчера я попробовал и решил из правильного питания оставить только разгрузочную ночь. Уверен, этого хватит. В остальном я по-прежнему предпочитаю на завтрак есть мясо. Нормальное мясо. Которое не пытается стыдливо спрятаться под горой каши. И да, это важно: никаких лавандовых или жасминовых соусов. Исключены. Запрещены.

– А...

– Сок из одуванчиков тоже. – Она только открывает рот, как я добавляю: – Меня цветы раздражают. Можете считать, что у меня на них аллергия. Я даже видеть их не могу.

Она задумчиво начинает крутить свою пуговицу на сарафане. Я невольно присматриваюсь.

– Это что, трилистник?

– Могу снять!

Она с готовностью расстегивает пуговицу, тут же передняя вставка падает, давая мне лично убедиться, что да – блуза прозрачная. Хорошо, что я успеваю моргнуть.

– Нет! Верните обратно! Мне показалось. Это неудачный трезубец!

– Как скажете.

Не знаю, может, я и привыкну к ее каркающему голосу. Все же она тоже идет на уступки – и застегивает пуговицу на сарафане. А может, и привыкать не придется.

– Если вас что-то не устраивает, вы всегда можете уволиться по собственному желанию, – напоминаю ей пункт из контракта.

Она задумывается. Я скрещиваю за спиной пальцы, но, видимо, они слегка опухли с утра от воды – один вдруг соскальзывает.

– Останусь. При таком-то питании и образе жизни вы без меня совсем пропадете. К тому же нужно привести дом в порядок. Вообще непонятно, чем ваша горничная тут занималась!

На меня накатывает волна ностальгии, а эхо прошлого доносит веселый голос Марины:

– Александр Юрьевич, я вижу, как вы устали... Садитесь, расслабьтесь, я вам сейчас помогу... Просто закройте глаза...

– Да... вы правы, я очень плохая. Как вы хотите меня наказать?

– Еще! Я заслужила! В доме не убрано. Хотите, я опущусь на колени? И вы узнаете, как глубоко я раскаиваюсь...

Взглянув на новую горничную, с трудом сдерживаю вздох сожаления.

– Прежняя горничная, – говорю я, – была сторонницей

современных методов поддержания чистоты.

– Я так и подумала, – кивая, соглашается Фрекен Бок. – Судя по тому, что я вижу, из классики она предпочитала только паутину в углах.

Тут спорить не буду. Если я и задираю голову вверх в наши встречи, у меня обычно от удовольствия глаза сами собой закрываются.

Подойдя к кофемашине, ставлю чашку и нажимаю на кнопку. Нужно хоть как-то взбодриться, что-то мне соленые огурцы тяжеловато зашли.

Предвкушая удовольствие, подношу чашку к губам – и вот чую подвох, но все портит моя вера в хорошее, и я все-таки делаю первый глоток.

Это не кофе. Это мерзкое нечто.

– Это просто кофе без кофеина! – наткнувшись на мой взгляд, рапортует горничная. – Заверяю, там даже нет цветочного аромата! Только...

– Так...

Где-то там, на улице, за распахнутой форточкой, с дерева падает птичка. Не до нее. Я тоже под большим впечатлением.

Достав бумажник, достаю стопку купюр и кладу на стол.

– Я люблю нормальный кофе. Нормальную еду. Нормальную воду, с газом. И да, иногда я люблю нормальную водку, поэтому она должна стоять в холодильнике. Если этот вопрос мы уладили, счастливо оставаться. Мне пора на работу.

– Уже?

– Кому-то же нужно покрыть траты за сбор лаванды с фиалками.

Обычно я и правда выхожу куда позже. Но если задержусь еще хоть чуть-чуть... В общем, у меня и без того хреновое утро. Закапывать трупы я не планировал.

– Александр Юрьевич! – догоняет меня уже у выхода голос горничной.

Борясь с искушением, я распахиваю дверь и выхожу за порог. Глубоко втягиваю в себя свежий воздух. А сверху раздается противное карканье – практически как у меня за спиной.

– Александр Юрьевич, как я уже вам сказала, дом в большом запустении. На мне и так много обязанностей. А порядок навести нужно быстро. Как вы смотрите на то, что я возьму кого-нибудь в помощь?

Горничная...

Новая...

Молодая...

А еще говорят, что женщины в любом возрасте женщины и не терпят соперниц. Особенно в одном доме.

– Отличная идея! – Я с готовностью разворачиваюсь. – Только этот человек должен обладать определенными качествами. Ну вы понимаете? Стрессоустойчивость, работоспособность, желание идти на контакт, возраст... до тридцати, привлекательная внешность.

Мне кажется, у Маргариты Аркадьевны пучок медленно

поднимается вверх. Начинает подозревать?

– У меня часто бывают гости-эстеты.

– Понятно, – кивает она, – у меня есть на примете несколько подходящих кандидатур.

– Нет уж! На этот раз я выберу сам!

Она снова кивает.

– Я приглашу их, когда у вас выдастся свободное время. Может быть, в выходной?

Еще шесть дней ждать? И это только пока познакомишься. А пока наладишь тот самый контакт... С другой стороны, в выходной и правда времени больше.

– Давайте в субботу.

У нас явный прогресс. Мы с Маргаритой Аркадьевной обмениваемся понимающими улыбками и номерами мобильных. Я обещаю ей сбросить сообщение, когда буду дома. Она обещает вкусный ужин к моему возвращению и взять на себя организацию кастинга.

А вот в другом не очень везет. Такое ощущение, что сегодня впервые за месяц весь город решил поработать. Я с трудом выбираюсь из пробок. Но при хорошей организации работы руководитель вообще может позволить себе не появляться. В моей компании именно так.

Захожу – все при деле. А лица какие серьезные! У меня такую морду соорудить не получилось, даже когда меня тащили на стройку, чтобы в бетон закатать. Да, веселые были времена. Сейчас проезжаю мимо того дома – даже не верит-

ся, что он мог стоять не только на сваях, но и на моих костях.

Но долго грустить над архитектурным несовершенством мне некогда. Предпочитаю сначала сделать дела. В первую очередь особенно неприятные.

– Доброе утро! – вскакивает при моем появлении секретарша.

– Будет доброе. Кофе и два стейка сильной прожарки.

– Из вашего любимого «Авеню»?

– Да. А, нет, постой. Закажи из «La Crevet». Много слышал об этом ресторане, самое время попробовать.

Заказ прибывает довольно быстро. Запах изумительный. На вкус – пища богов! А стоит только представить реакцию Ярова на то, что я хоть копейкой вложил в процветание бизнеса ресторана, хозяина которого он на дух не переносит...

Вот только при этих условиях я и могу дойти до того, чтобы найти в телефоне копию контракта со свахой. И даже ей позвонить.

– Алла? Добрый день. Меня зовут Воронов Александр Юрьевич. Что мне там нужно сделать? Заполнить анкету? Я готов приступить!

Не знаю, что ей расписал про меня Яров – может, что я при смерти и нужно поторопиться исполнить мою последнюю волю? Но уже через пять секунд мне на почту падает талмуд с вопросами. Поблагодарив за оперативность, заканчиваю наш разговор.

Так, что тут? Возраст, цвет глаз, цвет волос, любимые блюда... Ну, с такой легкотней справится и моя секретарша.

– Алена, зайди!

Заходит, взгляд в пол. Полгода работает, а все равно трясется, как заяц, стоит вызвать ее в кабинет.

Вроде бы не такой я и страшный. Я даже не раз пытался с ней поговорить по душам. Мало ли что ей про меня наболтали.

– Я тебе отправил на почту анкету – заполни и перешли ее мне.

Стоит, молча слушает, кивает и смотрит на мой подбородок. Может, у нее какой-то бзик на тему мужиков с бородой?

Если слушать психологов, которые говорят, что все травмы родом из детства, я даже догадываюсь, какой бородач так на нее повлиял. Так что, может, на Новый год ее как-нибудь «разморозим». Пока пусть работает так. Главное, что у нее получается.

– Свободна.

Дверь закрывается.

Покончив с едой, берусь за работу. Так, сначала папка с ежедневной текучкой. Что у нас тут? Счет за ужин с главой пожарной инспекции района – ок. Встреча результативная. Счет за канцтовары – ну совсем уже обалдели! В сторону, в следующий раз с такой ерундой ко мне не потащатся. Так, а тут что?

Читаю – понять не могу, что за хрень? Какой-то список

лекарств, рецепт из клиники «Айболит». Витаминный гель, препарат для восстановления костей, осмотр доктора... У нас что, кто-то из сотрудников заболел? Нужна материальная помощь?

Дохожу до суммы и впадаю в недоумение. Ну уж не так я мало плачу, чтобы пытаться содрать с меня такие копейки! Здесь вопрос принципа. У них такие оклады, что в нашу компанию стоит очередь из желающих!

Безжалостно откладывая лист в сторону, где лежит счет с канцтоварами, и вдруг замечаю какую-то надпись на обороте.

Читаю:

«Добрый день, Александр Юрьевич. Это счет за лечение Ириски. Отправила его вам, потому что до знакомства с вами у нее была повреждена только одна лапа, а теперь две. Реквизиты клиники указаны в этом же счете, вверху. Каждый должен нести ответственность за свои поступки, согласны?»

Угу, проще было оставить крысу у пацана. Нет, денег не жалко. Бесит сам факт, что она ни при чем, а я, оказывается, крысиный тиран.

Говоришь, каждый должен нести ответственность за свои поступки?

– Михал Михалыч? – набираю я главврача одной из наших больниц. – Узнал? Это Воронов.

– Конечно! Как я могу не узнать! Такой человек...

Это правда. Еще бы он не узнал. Я помог ему остаться после развода с любимой собакой, машиной и дачей. Хотя все ему пророчили в лучшем случае будку.

– Я тут попал в ДТП... Да жив-здоров... Кто пострадал? Слушай, об этом лучше не спрашивай... Но помощь мне все же понадобится...

Глава 5. Анжелика

– Анж, нам нужно поговорить!

Я с трудом расслабляю пальцы, которыми сжимаю зеркальце и помаду, и продолжаю красить губы.

Не хочу, чтобы он понял, как мне больно на самом деле. Видеть его, слышать его, даже вдыхать запах его парфюма. Который, кстати, я выбирала.

Не дожидаясь ответа, он входит в мой кабинет и закрывает за собой дверь. Садится в кресло напротив.

Я неторопливо заканчиваю красить губы и бросаю в сумочку зеркальце и помаду. Собравшись с духом, смотрю на Валеру. Чистая рубашка, идеально сидящий пиджак, выбрит, прическа – волосок к волоску. Хоть бы какое-то пятнышко, хоть бы щетина или взъерошенные волосы... Хоть бы одна деталь указывала на то, что ему было плохо эти два дня.

Нет. В нем по-прежнему все безупречно. И не догадаешься, какое нутро скрывается за красивым лицом.

Я сама этого долго не видела. Он был для меня идеальным. И наши отношения я считала идеальными. Как и многие наши знакомые.

– Анж... – ласково произносит он.

И я смотрю на него. Светлые волосы, в которые я любила зарываться пальцами. Голубые глаза, которыми мне так

нравилось любоваться. Худошавая фигура. Мне в нем нравилось все.

А теперь все так странно. Смотреть можно. Трогать... При мысли о том, чтобы прикоснуться к нему, мне становится плохо. Физически плохо: сердце заходится в бешеной скачке, а воздуха не хватает.

– Анж, давай поговорим...

Рано...

Слишком рано и потому тяжело. Мой мир разбился два дня назад, и я еще брожу по осколкам. Возможно, когда-нибудь, спустя годы, я смогу спокойно смотреть на него, спокойно с ним разговаривать и не чувствовать. Пока – нет. Я слабее, чем думала.

Но ему этого знать нельзя.

Слабых не жалеют. Их в следующий раз бьют гораздо сильнее. Я слишком хорошо усвоила эти слова отца, чтобы снова подставиться. Повестись на голос, в котором сквозит чувство вины, на взгляд, который ищет мои глаза, пытаюсь понять: чувствуешь, ты ведь все еще что-то чувствуешь?

Взяв сумочку, я поднимаюсь с кресла.

– Мой рабочий день на сегодня окончен. Последний клиент ушел пятнадцать минут назад. Я и так задержалась.

– Анж, пожалуйста! Уверен, вместе мы найдем выход из ситуации!

Я возвращаю сумочку на стол.

– Сто долларов.

– Что?

– Я частный нотариус, у меня платные консультации, а ты к тому же без записи.

– Ах да, конечно!

Он с улыбкой кивает и, хитро поглядывая в мою сторону, достает свой бумажник. Кладет купюру на стол. Взяв ее, я бросаю ее в сумочку и сажусь в кресло обратно.

– Я тебя слушаю.

Он пытается взять меня за руку, но я делаю вид, что мне срочно нужно передвинуть папку с одного края стола на другой. Поднимаю взгляд на настенные часы и предупреждаю:

– Через полчаса у меня важная встреча.

Во взгляде Валеры мелькает вопрос: «Интересно, с кем?» – но, к счастью, он его не озвучивает. Не думаю, что я сдержалась бы.

– Анж... – тянет он нежно и выпаливает на одном дыхании: – Ты ведь знаешь, что я люблю тебя! Нельзя взять и просто перечеркнуть пять лет!

Я молчу. Напоминаю себе, что это клиент и прежде, чем отправить его по нужному адресу, нужно больше узнать о проблеме.

– То, что произошло между мной и Миланой, ничего не меняет, – продолжает он вдохновенно. – Я по-прежнему люблю тебя. Да, я оступился. Ну так с кем не бывает? Это просто ошибка, Анж! Маленькая ошибка. Я все сделаю... только подскажи, как мне ее исправить?

Так, проблема более-менее обрисована. Осталось уточнить кое-какие нюансы.

– То есть ты засунул свою «маленькую ошибку» в дочку судьи, а теперь хочешь, чтобы я помогла тебе ее по-быстрому высунуть? Мое мнение – ее мама не согласится на такой маленький срок.

Лицо Валеры бледнеет. Ну так нужно было думать чуть раньше. Мне хватило лишь раз увидеть, как Милана за него цепляется, чтобы понять: быстро он от нее не избавится. Ее не смущало даже то, что я застала их в его кабинете. Обняв его за шею, она так и продолжала раскачиваться.

Сложное дело, много работы – отмазки, на которые он ссылался в последние месяцы. Так что у них это было не раз. Он даже отдал ей свои выходные. Так что оступался он очень усердно.

– Анж... – выдыхает он, справившись с эмоциями.

Я снова подхватываю сумочку и поднимаюсь.

– Подожди! Ты что, вот так меня и бросишь? Я думал...

В конце концов, я тебе заплатил!

– Все правильно, – соглашаюсь. – Ты сказал о своей проблеме. Я обрисовала последствия. Возможное решение проблемы – это уже вторая консультация.

Он усмехается. Я смотрю на него. Потом на часы. Он лезет в бумажник и достает мне сто долларов.

– В нерабочее время двойная оплата.

Он достает вторую купюру. В глазах недоверие. Зря. Я

раньше тоже во многое не поверила бы.

Я кладу двести долларов в сумочку.

– Анж... – Он поднимается, обхватывает меня за плечи, но я делаю шаг в сторону. – Анж, я не хочу, чтобы все закончилось так...

– Тогда я тебя успокою. Мой прогноз следующий... Ты Лязенцову знаешь, она тетка с жесткими принципами. Плюс до одури любит свою дочурку, так что просто так тебя не отпустит. Постарается женить на ней. Милана ведь в тебя влюблена?

Он сжимает челюсти.

Злится.

– И какое же решение проблемы ты можешь мне подсказать?

– Если хочешь выжать из этого брака максимум, сделай предложение сам. Чем дольше ты будешь тянуть, тем менее выгодные условия в итоге получишь.

Выйдя из кабинета, я попадаю в розарий. На самом деле это приемная, а заодно и кабинет моей помощницы. Но из-за обилия букетов роз ее не каждый сразу заметит.

– До завтра, Соня.

– До завтра, Анж... – Она оглушительно чихает и трет нос. – До завтра, Анжелика Генриховна.

Я слышу шаги Валеры у себя за спиной. Раньше в такие моменты меня всегда охватывало предвкушение. Сейчас он подойдет ко мне, обнимет, и все остальное станет неваж-

НЫМ...

Он знает, как на меня это действует, а потому я сама к нему оборачиваюсь.

– Маленькая просьба. В ответ на дельную консультацию. Перестань, пожалуйста, присылать цветы. Слышишь, у Сони на них началась аллергия.

– Я присылал их тебе!

– Не стоит. У меня реакция еще хуже: меня при виде них начинает мутить.

Вру, конечно. Я обожаю цветы. Любые. А еще мне нравилось, что они от него. Но теперь я действительно с трудом их переносу.

Хотела отказаться принять, но посыльные твердили, что их дело доставить, а там уж... Хотела выбросить, но Соня упросила оставить. Думаю, когда посыльные стали приходить один за другим, она пожалела об этом, но мужественно держалась.

Выйдя из офиса, осматриваюсь. Целый день была так занята, что даже дождь пропустила. Крупные лужи отражают свет фонарей и позволяют купаться разноцветным листкам. Красиво, пахнет свежестью, и нет, не увяданием, а наоборот – чем-то новым. Но этот запах перебивается терпким парфюмом.

Валера. Стоит у меня за спиной. И сейчас, когда он не видит, я позволяю себе слабость и закрываю глаза. На секунду разрешаю себе поверить, что у нас действительно все как

прежде. Он любит меня. Я – его. И между нами нет третьего.

А потом перед глазами всплывает эта сцена в его кабинете – задранное платье, широко разведенные ноги, его руки на ее талии...

Из-за него я и под машину попала. Вылетела на улицу, в голове вата, перед глазами туман. И тут звонок. Знакомая девочка-волонтер позвонила по поводу крысы – я тут же метнулась. Хотела не думать, отвлечься... А мыслями все равно то и дело возвращалась к Валере.

Из-за него и Воронову этот счет за лечение выкатила. Это я сейчас понимаю, что была неправа. Но все так бесило... Казалось, все вокруг виноваты... Хотелось, чтобы хоть кто-то ответил...

Нужно будет завтра ему позвонить.

– Ты же прекрасно понимаешь, Анж, что ничего не закончено, – голос Валеры возвращает в реальность. – Нас слишком многое связывает: чувства, знакомые, друзья, бизнес родителей.

– Не думаю, что подшипники станут хуже продаваться из-за того, что мы разошлись.

Его губы трогает улыбка. Да, он прав: нас очень многое связывает. И многие ждали, когда эта связь станет сильнее. Пять лет – достаточный срок, чтобы даже двоюродные тетушки начали мечтать о том, как погуляют на свадьбе. Все к этому шло... Но свадьба у Валеры если и будет, то уже без меня...

Визг шин привлекает внимание к черной Инфинити, и я иду вниз по ступенькам.

– А еще, Анж, – доносится вслед, – ты прекрасно понимаешь, что я не смогу тебя отпустить.

– Боюсь, Лязенцева вряд ли это одобрит.

И все.

Это мой максимум выдержки. Да, я не бегу по ступенькам, хотя очень хочется. Я не хлопаю дверью машины – но тут скорее потому, что брат бы меня просто убил. А умереть мне хотелось два дня назад, сегодня я против. Едва оказавшись в салоне, я закрываю лицо ладонями и дышу-дышу-дышу... дышу, чтобы не закричать.

– Ну что, – спустя какое-то время подает голос мой брат, – можно узнать, какие у нас планы на вечер? Просмотр мелодрамы, битье посуды или сразу начинаем с уборки?

Я бросаю в сторону Филиппа укоризненный взгляд.

– Какое битье посуды? Подумаешь, одну чашку разбила!

– Чисто случайно, конечно, – кивает с готовностью он. –

И чисто случайно это оказалась чашка Валеры.

Ну не случайно. Поэтому и молчу.

– Так, – говорит Филипп, – если ничего нового в расписании нет, я сразу голосую за третий пункт. А то, если мы вторую ночь подряд после полуночи потащимся с полными мешками к мусорным бакам, могут решить, что мы выносим Валеру. Он ведь у тебя дома больше не появится? Я правильно понимаю?

– Ну... его любимой чашки уже нет, его любимой подушки тоже нет, его любимого пледа нет, и его любимого коврика для ванны тоже нет... Постельное я все выбросила, а без него он спать не привык. Его вещи я вчера отправила с курьером. Надеюсь, что не появится.

– И значит?.. Ну что, мелодрама, да?

Улыбнувшись, я достаю из сумочки триста долларов.

– Валера просил отметить свой переезд.

– Отличный парень! – радуется мой брат. – Нужно было его хоть раз в год бросать. Зря ты так долго держалась. Столько лет пропустили!

Я смеюсь. Смех получается рваным, но он куда лучше, чем слезы. Так считаю я. Так считает Филипп. И так точно считает его рубашка. Вчерашняя лежит у меня в стирке, приходит в себя после моего потекшего макияжа.

Брат начинает прикидывать, куда бы лучше заехать за хорошим спиртным. Я напоминаю ему об отличном винном погребе. Хорошо, что он соглашается: рядом с этим винным погребом у меня есть одно важное дело.

– Там, кстати, и сыры вкусные продают, – говорю я. – Ну и еще что-нибудь присмотри.

– Ну да, – соглашается он, – не все же нам пить. Мы приличные люди.

Из машины я выхожу вместе с ним. Только он в погреб, а я в ветеринарную клинику, где оставляла свою подопечную. Была надежда, что найдется сердобольная душа, которая ее

заберет, но два дня активных призывов в соцсетях результата не дали. Да и кому она нужна в таком состоянии?

Держать ее в клинике еще дольше нет смысла. А у меня дома сейчас внезапно оказалось много свободного места.

– Забираете? – спрашивает доктор, увидев меня. – Ну и правильно. Она у нас хорошо отдохнула, а дома быстрее на поправку пойдет.

– Да, – говорю, рассматривая ее. – Мы домой.

Я прикупаю клетку со всеми удобствами и забираю Ириску с собой. Стоим у машины, ждем брата. Он идет с приличным пакетом, широко улыбается, а потом замечает крысу, и...

– Так! Предупреждаю сразу...

Я готовлюсь к тому, что придется его упрашивать ее чуть-чуть потерпеть и все-таки довести. По одному адресу едем! Но он тяжело вздыхает и повторяет:

– Предупреждаю сразу: сыр не дам, я на нее не рассчитывал.

Ириска смотрит на него с четким выражением: «Ты совсем обалдел? Крысе сыра не дать? Кто тебя спрашивать будет?»

– Что это с ней? – спрашивает он с подозрением. – Хвост трубой. Она что, хочет поспорить?

– Да ты что? Видишь, как она приветливо машет хвостиком? Считай, что согласно кивает.

Ну кто виноват, что он так плохо понимает животных? А

я переводчик начинающий, так что тоже могу ошибаться.

Глава 6. Анжелика

– Жуй давай! – командует Филипп, просовывая маленький кусочек сыра Ириске.

Та смотрит на него с подозрением. Ну еще бы: такие угрозы поступали, а вдруг что задумал?

– Жуй, пока закуска осталась!

А вот это она понимает. Снова угрозы – это привычней, чем ласка. Подвигав длинными усиками, Ириска берет угощение.

– Ну все, зверь накормлен! Плюсик в карму засчитан – можем пить дальше.

С чувством выполненного долга Филипп обновляет в бокалах вино. Хорошее, терпкое, приличной выдержки. В общем, своих денег оно определенно стоит.

Настроение не улучшает, но на такой быстрый эффект я и не рассчитываю. Все равно, куда ни глянь, все в квартире напоминает о Валере. Кофемашина, которую он включал по утрам, заставляя меня просыпаться. Стол, за которым мы делили с ним завтрак. Шторы, которые в порыве страсти иногда забывали сдвигать.

И это только на кухне. В других комнатах хуже: воспоминания еще ярче, сильнее. Если бы не Филипп, я вряд ли смогла бы здесь находиться. А он приехал по первому же звонку. И две ночи остается у меня, хотя у него есть личная жизнь.

– Еще одна ночь, и все, – клятвенно обещаю я. – Завтра я возьму себя в руки и тебя отпущу. Ты же знаешь, я сильная. Это я с непривычки раскисла.

– Да понятное дело. Не хватало еще, чтобы ты к такому привыкла! – бухтит он. – Я-то что, я тебя любую приму, даже мямлю. А вот отец не поймет. Придется всю его школу жизни заново проходить. Ты готова?

Сам он при этом делает вид, что вздрагивает от ужаса, и я начинаю смеяться. Да, отец у нас строгий. Не показывать слабость, бить первой – это уже на подкорке.

– Кстати, – Филипп крутит бокал, рассматривая вино. – Когда ты думаешь ему сообщить? Долго тянуть не получится.

К сожалению, это не тот случай, когда моя личная жизнь никого не касается. Отец Валеры – дядя Сережа, старинный друг моего отца, у них общий бизнес. А еще у дяди Сережи грядет юбилей. Понятно, что я тоже приглашена. И не пойти не могу.

– Скажу, куда я денусь?

Мой тяжелый вздох, наверное, даже соседи услышали и прониклись. А Филипп, наоборот, улыбается.

– Вот поэтому я родню буду знакомить только с женой. Ну, если встречу ту, с которой захочу обменяться золотишком, – добавляет он, заметив мой заинтересованный взгляд. – А у вас полгорода были в курсе, что у вас отношения, теперь половина города будет пережевывать, что вы расстались. Жуть.

– Не преувеличивай, – спорю я, но не очень активно. –
Знали только близкие люди.

Звонок в дверь прерывает наш разговор. Я демонстративно отворачиваюсь к окну: я никого не жду, никому открывать не планирую. А Филипп после третьего звонка не выдерживает.

– Пойду открою, – говорит, поднимаясь.

– А если это Валера?

– Дам ему в морду. Фингалом ее, конечно, вряд ли испортишь, но хоть какая-то метка. А потом как захочешь – или впусти, или нет.

– Не надо его впускать! И вообще-то он был сегодня у нотариальной конторы. Ты что, его не заметил?

– Это надо было выходить из машины. А если сам пришел – значит, на фингале настаивает.

Я слышу, как Филипп с кем-то переговаривается. Голос мужской, приглушенный. Валера? Все-таки он?

Вскоре Филипп возвращается. Один. С какой-то коробочкой в упаковке.

– Курьер?

– Мне кажется или я слышу разочарование?

Конечно, кажется. А чтобы меньше казалось, я поворачиваюсь к окну.

– Завтра же вышлю ему следом за чемоданами.

– Как хочешь.

Услышав какой-то треск, оборачиваюсь и бросаюсь к Фи-

липпу. А он уже ножом ловко вспорол упаковку.

– Завтра вернешь, – говорит примирительно. – А сегодня мы посмотрим, от чего ты отказываешься. Поверь, так ему будет только больнее.

Логика в этом есть. Ну или думать так помогает вино, но мы выуживаем на свет продолговатый футляр. Открываем его. Браслет – массивный, с красивыми изумрудами.

– Ого! – присвистывает Филипп. – Кажется, я уже нашел того, от кого готов принять золотишко!

Радуетса он, правда, недолго. Переводит взгляд на меня, смотрит на браслет и дает совсем другой комментарий:

– Да не, не подходит. Камней пожалел!

– Посмотрю, что ты подаришь жене.

Он хмыкает. Закрыв футляр, кладет его на верх холодильника, но я, чтобы не забыть, забираю в сумочку. Завтра отправлю с курьером. Похоже, в этом месяце у них будет перевыполнен план.

– Мне торопиться некуда, – говорит Филипп, когда мы снова сидим за вином. – Вот будет, как тебе, тридцать три...

Да, в отличие от меня, ему повезло. Во-первых, он младше, ему двадцать семь. А во-вторых, мужчинам по умолчанию дают куда больший срок для свободы. Это на женщин окружение давит.

«Тебе уже тридцать...», «Тебе уже тридцать один...», «Тебе уже тридцать два»... Подозреваю, меня ждет новая мантра: «Тебе уже тридцать три! Что же делать?!»

Мы долго сидим, о чем-то болтаем, молчим. Я даже верю, что все – справилась, вычеркнула, стерла, забыла. А когда захожу в нашу комнату, душу берет в тиски такая тоска, что хочется свернуться в клубок.

Тишина. Тишина больше всего раздражает. Обычно она разбавлялась шагами Валеры, его дыханием, его голосом, шелестом, когда он читает. Кровать кажется огромной, пустой, я лежу на ней в позе звезды и бездумно смотрю в потолок.

Переворачиваюсь на бок – взгляд падает на обои. Мы выбирали их вместе. Чтобы оттенок теплый, чтобы глаза отдыхали, чтобы в комнате нравилось.

Услышав шорох, оглядываюсь. Ириска с интересом рассматривает интерьер – да и пусть. Поднявшись, выпускаю ее из клетки – и правда, чего сидеть? Она осторожно делает шаги, бережет лапки, постоянно принохивается, а потом подходит к стене и начинает водить по ней носиком.

– Ты права...

Найдя маникюрные ножницы, я подхожу к стене. С трудом, но все-таки нахожу стык обоев и, поддев их, тяну вниз. На совесть поклеили, обои держатся цепко, но мне все-таки удастся ухватиться за лист.

Шелест.

Треск.

Белая стена, которая открывается.

Сажусь на пол и смотрю на нее. Мне нравится. Так мне

нравится больше.

– Анжелика! – слышу за спиной возмущенный голос Филиппа. – Зачем ты выпустила крысу из клетки? Смотри, что она натворила!

Крыса, обиженно подняв хвостик, трусит ко мне и взбирается на колени. Чтобы не навредить ей случайно, я кладу на пол ножницы.

– Мы с Ириской решили делать ремонт.

Пауза.

– Отличная идея! – хвалит Филипп. – Только это нужно доверить профессионалам!

Шаги.

Шелест, треск.

И полночи два профессионала – частный нотариус и начальник отдела сбыта самого крупного завода подшипников – занимаются делом. Рвут обои на стенах.

Ириска, как вдохновитель, тихо спит в клетке.

– И как тебе? – спрашивает Филипп, заглянув утром в комнату.

Я обвожу взглядом ободранные стены и широко улыбаюсь, представляя, как покрашу их в персиковый цвет. Или в мятный. Или даже в розовый. Выбор широкий, времени по вечерам свободного много.

– Все понятно, – хмыкает брат. – Только мусор нужно было оставить на утро. Две ночи подряд с мешками таскаемся.

Я смеюсь и целую его в чуть влажную щеку. Это у него

привычка такая – естественно обсыхать, с детства терпеть не может вытираться полотенцами. Так, пару раз если приложит к телу, и все. Вот и сейчас короткие темные волосы торчат, как у ежа, во все стороны, по торсу еще стекают капли воды, даже на ресницах, кажется, капельки. Карие глаза утром кажутся почему-то еще темнее, как будто без него досыпают.

А я, на удивление, чувствую себя бодро, хотя мы и поздно легли. Пока ободрали стены, пока это отметили, пока прошли к мусорным бакам проветриться...

– Может, сырники сделаешь? – придя на кухню и заглянув в сковородку, начинает ныть брат.

– Омлет, – отрезаю я, но потом смягчаюсь. – Могу заказать из ресторана.

– В ресторане я и сам могу заказать, – вздыхает он. – Но я подумал, раз я живу с женщиной, могу рассчитывать на домашнюю еду. Причем не на что-нибудь, а на то, что заказываю.

– На сто процентов ты можешь рассчитывать на такой вариант, только если живешь с домработницей.

Он хмуро смотрит на тарелку с омлетом, которую я ставлю перед ним, и ворчит:

– Я это учту.

Омлет получился воздушным, поэтому вскоре жалобы прекращаются. Я вообще неплохо готовлю, но мы часто с Валерой заказывали доставку из ресторана. У него много рабо-

ты, у меня много работы, а свободное время нам нравилось проводить за другими делами.

– Сама-то чего не ешь? – косится Филипп с подозрением.

– Позже что-нибудь перехвачу.

Да, идея с омлетом была не лучшей: я его по утрам часто готовила. Наверное, и правда нужно приноровиться к сырникам. Менять так менять. Выбросив омлет, я мою тарелки. Кофе пьем уже на лету: оба торопимся.

Я то и дело нажимаю на кнопку лифта, как будто он может от этого быстрее приехать. Два раза проверяю, не забыла ли футляр с браслетом. Потом еще успеваю проверить, точно ли поставила квартиру на сигнализацию.

– Не суетись, – одергивает Филипп. – А то у меня чувство, что я первоклашку в школу веду. С учетом нашей разницы в возрасте, это какие-то неправильные ощущения. Дисбаланс получается.

Ну, ради его душевного баланса стою спокойно, только туфелькой тихонько постукиваю.

– Что, – взглянув на меня, интересуется Филипп, – так не терпится «умыть» своего бывшего? Подсказка: ты можешь поехать вслед за курьером и все посмотреть своими глазами. Как у него бледнеет лицо, когда он получает коробку. Как у него трясутся пальцы, когда он ее раскрывает. Как он трепетно берет в руки браслет и в судорогах от слез опускается на колени...

– Слушай, – теперь моя очередь коситься на него с подо-

зрением, – ты же вроде бы говорил, что в байкерский клуб записался, а не в литературный кружок?

– Туда не записывают.

– В литературный кружок? Все места уже заняты? Жаль. У тебя явный талант. Я даже купила бы один экземпляр твоей книжки.

– В байкерский клуб вступают, а не записывают. – Он вздыхает. – Нет, про возраст нам точно наврали.

– Я каждый раз думаю так же, когда смотрю в паспорт.

Мы, смеясь, заходим в лифт, который, наконец, приезжает. С одиннадцатого этажа пешком, да еще на каблуках, идти не хочется. И даже то, что в нем уже есть пассажир, не смущает.

Сосед. Живет выше меня, кажется, этажа на два. Филипп его игнорирует. Я киваю. А сосед нет. Стоит, молча смотрит. Когда дверь открывается, вылетает первым, даже не думая меня пропустить.

Нет, ну если бы он спешил так домой, я бы еще поняла. Прижало по дороге, бывает. Но чтобы так бежать на работу...

– Видела? – шипит мне на ухо Филипп и кивает на камеры в лифте. Такие же у нас на входе в парадное и во дворе. – По-моему, это первый, кто сопоставил ночь, мусорные мешки и пропажу Валеры.

Мы выезжаем со двора и сворачиваем за угол. Я замечаю какого-то мужичка с до боли знакомой ношей, прошу брата

притормозить. Так и есть: в руках у мужика подушка, в другой коврик из ванной и плед.

– Не переживай, – утешает брат, рассмотрев, как и я, ношу в деталях. – Соседи у вас дома не были, так что слухи про расчлененку так быстро не расползутся.

Тихо радуюсь, что я не позавтракала.

– Лучше скажи, машину из ремонта когда заберешь? – спрашивает Филипп, выруливая на оживленный проспект.

Ну, значит, я и правда выгляжу лучше, чем два дня назад. Потому что до этого он говорил со мной, как будто я тяжело больна. И был таким терпеливым, что постоянно хотелось рыдать. А проспект он этот терпеть не может и, если бы не я, выбрал бы другую дорогу. А так плетемся, плетемся, а ему же еще и назад.

– Вечером заберу, – радую его. – И, как и обещала, с сегодняшнего дня даю тебе вольную.

Он облегченно вздыхает. А еще его радует, что я прошу его высадить меня чуть раньше. Тут отличная домашняя пекарня, с очень вкусными круассанами. Захвачу пару штук себе и помощнице. Она их, как и я, обожает, но из-за цены редко себе позволяет. Цены тут и правда кусаются. Но я считаю, что это оправданно.

– Так, наверное, я возьму...

– Анжелика!

Моя ладонь опускается вниз, но, подавив вздох, я с улыбкой оборачиваюсь к Виктории. Стуча каблуками, она от вхо-

да направляется сразу ко мне и целует возле моей щеки воздух. Я делаю так же.

Мы не близкие подруги, но часто пересекаемся в общей компании. Она такая болтушка, что я пытаюсь поскорее закупиться круассанами и уйти. Но куда там! Стоит у меня над душой, что-то говорит о том, как они хорошо отдохнули на островах, с какой-то другой нашей общей знакомой.

Вставить слово не успевает никто. Мы с продавцом общаемся жестами.

– Извини, Виктория, мне пора, – прервав историю про отдых, я киваю на пакет с круассанами и чуть смягчаю уход. – Кстати, очень красивый загар.

Вижу я только шею и декольте, так что это вполне может быть пудра, но Виктория расплывается в довольной улыбке.

– Ну конечно, беги. У тебя же работа.

Я киваю. Да. Не все в нашей компании считают, что это женщине в плюс, но меня это мало волнует.

– А, кстати, – догоняет меня ее голос. – А что у вас случилось с Валерой?

Я оборачиваюсь. Слабо себе представляю, чтобы он с ней откровенничал. Но если так, значит, с разговором с папой нужно поторопиться. Вряд ли ему понравится, что эту новость он узнает последним.

– А что с Валерой?

– Вы поссорились? Просто он практически двое суток торчал в «Стрекозе». И обычно же не пьет, так только, чуть-

чуть, больше для вида. А тут как будто дорвался! И то и дело говорил: «Анжелика, надо поговорить с Анжеликой». К нему столько баб лезло, а он нет. Ноль внимания. Повезло тебе с ним. Может, поскорее помиритесь?

Неопределенно качнув головой, я выхожу из пекарни. Повезло... Знала бы она, как мне с ним повезло...

Иду, стараюсь не думать об этом, а мыслями все равно возвращаюсь к словам Виктории. Столько баб к нему лезло, а он...

– Доброе утро, Анжелика Генриховна! – выглядывает помощница из цветника, едва я вхожу.

Я кладу на ее стол круассаны и прохожу к себе. Вскоре дверь в кабинет открывается и Соня заходит с чашечкой кофе.

– Вы не просили, но я...

Киваю.

Из приемной так пахнет цветами.

К нему столько баб лезло, а он...

Рука тянется к сумочке, я достаю футляр и кладу его перед собой.

– Анжелика Генриховна... – окликает помощница.

Повернув голову, вижу в ее руках какой-то конверт.

– Доставили к вам. С курьером.

– Спасибо.

Помощница направляется к двери. Я смотрю на футляр. А потом бросаю взгляд на конверт и, заметив отправителя,

выбираю его.

«Воронов Александр Юрьевич».

Надо же, весьма любопытно!

Я собиралась его набрать, извиниться, а тут письмо. Что он мне может писать, интересно? Надеюсь, хотя бы не матом?

Сначала выпадает платежка. Взглянув на нее, не верю глазам: он оплатил счет за лечение и лекарства Ириски!

Вот это мужчина! Без единого слова, без упрека, без выяснения отношений! И да, и без мата! Даже неудобно, что я о нем так подумала!

И тут выпадает какой-то бланк с печатью. Начинаю читать и снова не верю глазам.

«Воронов Александр Юрьевич... После ДТП 13 ноября пребывает в тяжелом состоянии.

Основные жалобы: плохой сон, неважное питание, также проявляются признаки паранойи: пациент считает, что его хотят раскрутить на деньги. Изредка бывают галлюцинации – белая крыса, которая машет ему сломанной лапкой и требует монетку на пропитание.

Прогноз: неутешительный.

Стоимость лечения в стационаре сроком две недели составит...»

– Анжелика Генриховна! – влетает в кабинет моя помощница. – Анжелика Генриховна, что случилось?

У нее глаза круглые, волнуется. Нет, правда переживает

обо мне, она же видела и цветы, и Валеру. Хорошо, что я ей круассаны купила. А волноваться не стоит.

Но ничего этого я сказать не могу. Я вообще ничего сказать не могу, потому что не могу перестать хохотать.

А самое забавное – подпись главврача и печать настоящие! Ну или то, что стоимость стационара за две недели копейка в копейку как лечение для Ириски. Хоть бери и животных на передержку теперь туда отправляй!

– Соня, – вытерев слезы у глаз, выдавливаю я сквозь икоту. – Вы-ызови, пож-жалуйста, курьера...

– Да, минутку.

– Погоди! – останавливаю ее. – Пусть придет через ч-час. Я х-хочу ему заодно еще кое-что передать.

Глава 7. Александр

– Доброе утро, Александр Юрьевич! – подскакивает секретарша при моем появлении.

Взгляд в пространство, вытягивается по струнке, руки по швам. Такое ощущение, что она не в приемной, а на плацдарме.

– Ты бы еще честь отдала.

– Ч-что?

Она мгновенно краснеет. Откачивать ее после обморока мне некогда, поэтому терпеливо поясняю:

– Я говорю: у тебя, случайно, не было мечты в армии послужить? Что-то очень похоже.

Вместо того чтобы успокоиться, она еще больше пугается. Глаза огромные, дыхание затрудненное.

– У меня? Нет, мне нравится работать в вашей компании! Я считаю, что ваша компания самая...

– Знаю-знаю.

Отмахнувшись, захожу в кабинет. Даю ей несколько минут прийти в себя, а потом уже прошу принести кофе.

– И стейки? – уточняет она.

– Нет, на сегодня с меня стейков хватит.

При одном воспоминании о мясе, которое встречало меня на кухне, становится дурно.

– Давай кофе – сразу две чашки.

– Одну минуту, Александр Юрьевич!

Пока она делает кофе, бросаю в рот жвачку. Не могу избавиться от ощущения, что во рту у меня тлеют угли. Такая неожиданная подстава! А ведь утро началось вполне сносно. На тумбочке бутылочка минералки. Слабый газ, но и ладно. Это куда лучше, чем было до этого. К тому же горничная пояснила ошибку:

– Если выбирать между двух зол, то я выбрала меньшее.

– В следующий раз пусть будет сильногазированная. Ничего. Потерплю.

Эту информацию она приняла без особого удовольствия. Нужно было что-то заподозрить еще тогда, когда она улыбнулась и сообщила:

– Ваш завтрак готов. Мясо, как вы и заказывали.

Но мясо на вид выглядело неплохо – прожаренное, как я люблю. Каши не было. Цветами не пахло. Ну и я попробовал. Отрезал кусок побольше и понял, что такое небо в алмазах. В глазах потемнело, перед глазами только две точки. Как оказалось, это были глаза моей горничной, которая наблюдала, как я корчусь в агонии и залпом пью какую-то сладкую гадость.

– Вот видите, компот из сухофруктов вам нравится куда больше, чем газировка. Просто вам раньше никто его не варил и вы об этом не могли догадаться.

Я едва не давлюсь долькой яблочка, которая плавает в этом компоте. Но, на удивление, она и помогает справиться

с пожаром во рту. Язык, правда, распух и едва шевелился, а мозг хватался за что-то успокоительное, потому я и выдал:

– Твою... лаванду!

Горничная с гордостью улыбнулась.

– Я решила попробовать приготовить вам мясо по-мексикански. Подумала, что у вас совпадение. У вас непривычный завтрак. У них непривычный вкус. А вот лаванды здесь нет. Я помню, о чем вы просили.

– Не уживемся.

Она поправляет воротничок на платье и невозмутимо интересуется:

– Вы могли бы раскрыть свою мысль?

Ни толики переживания или обиды. Это и восхищает, и раздражает одновременно.

Телефон уже разрывался от звонков, время поджимало, поэтому пояснять элементарные вещи было некогда.

– Вечером поговорим.

Если она такой незаменимый работник, как уверял Яров, пусть к себе ее и берет. Может, у него, как у кошки, семь жизней. Я вон благодаря кофе едва оклемался...

То одна встреча, то вторая – только после полудня и вспоминаю, что еще не было завтрака.

Взглянув на часы, прикидываю: у меня есть сорок минут до встречи с новым потенциальным партнером. Заехать в ресторан не успею, что-нибудь заказать... да, наверное, тоже. И потом, нужно придумать, что бы хотелось съесть вкусное,

и это было не мясо. На мясо я сегодня смотреть не смогу.

– Алена, сделай еще кофе.

– Да, Александр Юрьевич, – торопливо вещает она. – А еще я хотела сказать, что к вам посетитель.

– Не знаешь, что делать? Или в нашей компании сегодня только я на работе? Спроси, по какому вопросу, и направь к лучшему специалисту.

– Дело в том, что... – она мнется. – Этот посетитель говорит, что он сам лучший специалист. Вернее, она говорит, что она... И это личный вопрос. И что вы знаете, что она лучший специалист, и у нее на вас только десять минут.

А вот это уже интересно. Куда интересней, чем какой-то там завтрак.

– Два кофе и пусть зайдет.

– Поняла!

Спустя секунду в кабинет заходит сначала секретарша с подносом, а следом за ней эффектная женщина. Лет тридцать, роскошные темные волосы, хорошая фигура, взгляд изучающий. Она осматривает меня внимательно и чуть хмурится, как будто я не оправдал ее ожиданий.

Ноги красивые. Даже жаль предлагать ей присесть, но я все же киваю в сторону кресла.

– Чем я могу вам помочь?

Она садится в кресло, открывает тонкую папку, с которой пришла, читает какой-то документ, а потом отвечает:

– Вообще-то, я пришла выяснить: могу ли вам чем-нибудь

помочь я?

Голос я узнаю и теперь рассматриваю ее с еще большим интересом, чем раньше.

– Меня зовут Алла, – продолжает она и слегка улыбается, перехватив мой взгляд. – И да, я замужем и у меня двое детей.

Неслабый набор.

Ну что ж, буду смотреть ей в глаза.

Она снова вчитывается в листок. Захватила с собой наш контракт? Пусть. Я четко его соблюдаю, вчера, едва анкета была заполнена, тут же ей отослал.

– Интересно, – говорит она, подняв взгляд на меня. – Я получила вашу анкету, и меня кое-что в ней смутило.

Что там такое, мать его, если она бросила мужа и двух детей, чтобы лично проверить? Может, что-то про любимые позы? Ну так заполняла секретарша, а я ассоциируюсь у нее только с классикой: офис, кресло и стол. Так что нечего опасаться.

– К примеру... – Алла делает драматическую паузу. – Здесь написано, что глаза у вас голубые. А я смотрю – они у вас карие.

Я облегченно выдыхаю и откидываюсь в кресле. Вопросы – туфта! Да и ответы несложные.

– Меняют цвет в зависимости от настроения.

Но я все же кошусь в сторону закрытой двери, где в приемной сидит виновница, из-за которой меня пытаются отчи-

тывать, как мальчишку. Могла бы шефа запомнить получше! Все-таки я у нее единственный в течение полугода. А еще шеф, как она говорила, самой лучшей компании.

– Так, дальше... – Сверившись с анкетой, Алла устремляет на меня строгий взгляд. – Любимый напиток – водка.

Снова кошусь в сторону двери. Н-да, так вот какого мнения секретарша о шефе на своей любимой работе! Прямо даже хочется оправдать ее ожидания. Если бы не встречи, то прямо сейчас.

– Исключительно в вечернее время, – говорю я. – В редкие выходные. И когда не нужно будет садиться за руль.

– С утра любимый напиток – чашка кофе. Если вечером водки было много – две чашки кофе.

Она косится на две чашки, которые занесла секретарша. Но тут уж отмыться легко!

– Угощайтесь, – предлагаю я. – Могу попросить секретаршу принести что-то вкусное. Правда, через двадцать минут у меня еще одна встреча...

– Не нужно, спасибо. Думаю, я уйду значительно раньше. Вот теперь улыбаюсь и я.

– Все занимательней и занимательней, – наблюдая за мной, говорит Алла. – А здесь написано: характер взрывной.

– Так и есть. Правда, до «взрыва» еще нужно постараться меня довести.

Она кивает, закрывает свою папку и поднимается.

– Что, все? – удивляюсь я. – Хотите сказать, что уже на-

шли мне невесту?

– Я хочу сказать, что приехала исключительно из уважения к Матвею Сергеевичу. Я была уверена, что если он о ком-то так беспокоится, то это достойный человек.

– А теперь что? Узнали, что у меня глаза-хамелеоны, что бухаю только по выходным и вполне в состоянии держать эмоции под контролем, и кастинг провален?

Она вновь открывает папку и зачитывает:

– Александр Юрьевич Воронов, 45 лет. Желаемый возраст женщины – максимум восемнадцать. Вопросы удочерения не ко мне.

Закрыв папку, она кладет ее передо мной.

– Но даже не в этом дело. Я поняла, что вам это не нужно. Анкету вы не заполняли, вы даже на нее не смотрели. Кстати, анкета – это просто проверка, психологический тест. На самом деле у меня свои методы и наработки. Не переживайте, Матвею Сергеевичу я все объясню. И верну ему сумму согласно контракту.

– То есть... – не верю своей удаче. – Вы его разрываете?

– Да. В одностороннем порядке. Имею на это полное право. Я не привыкла тратить свое время впустую.

– Отлично! Тогда давайте это сейчас и оформим! Сами понимаете, одно дело – слова, и другое – такие важные документы.

Оформление занимает максимум пятнадцать минут. Мы оба торопимся. И расстаемся на более позитивной ноте, чем

познакомились.

Хорошо бы и с горничной так легко получилось!

Перед встречей с клиентом остается еще немного времени, и я выхожу в приемную.

– Александр Юрьевич? – Секретарша снова подскакивает. – Еще один кофе?

Я упираюсь руками в стол и подаюсь чуть вперед. Дожидаюсь, пока она оторвет взгляд от пола.

– Может, все-таки стейк?

– Я уже понял, что в твоём представлении я только и делаю, что ем, пью водку, гуляю с девицами, которые едва отметили совершеннолетие, и швыряюсь предметами. А теперь хотя бы посмотри, как я выгляжу.

Она нервно сглатывает, стараясь сделать это незаметно, вытирает ладони о юбку. Смотрит. Смотрит... А потом ее ресницы удивленно вздрагивают.

– У вас карие глаза... – она переходит на шепот. – И взгляд... Вы совсем не такой, каким хотите казаться, вы...

– Хватит, – обрываю ее.

Она кивает. Как-то даже приободряется – смотрит в глаза, плечи расправлены, на губах мелькает улыбка.

– Ой, кстати, Александр Юрьевич! – окликает, когда я собираюсь вернуться к себе. – Это вам, передали с курьером.

– Что-то срочное?

– В прошлый раз почту от этого абонента вы вскрыли мгновенно.

Я беру пухлый конверт. Абонент мне известен, да – это частный нотариус. А вот что она на этот раз мне прислала, понятия не имею – внутри что-то твердое, круглое, и не одно. Может, монетки? Все же такую печальную историю ей рассказал, подтвердил справкой!

Зайдя в кабинет, вскрываю конверт. Ну да, понадейся на женщину! Первой выпадает записка:

«Мне жаль, что с вами приключилась такая неприятность. Надеюсь, это поможет».

А потом я вытряхиваю из конверта витамины «Скажи стрессу нет» и плитку горького шоколада.

Как по мне, передача – полная ерунда. Но так я думаю только до позднего вечера. А потом вдруг обнаруживаю, что только на шоколадке и продержался. Горькая, конечно, но времени на другую еду просто не было.

Закинув в рот витаминку, выбрасываю обертку от шоколада. Нет, это не дело. Нужно ей показать, что он бывает вкуснее.

– До свидания, Александр Юрьевич! Хорошего вам вечера! – непривычно тепло прощается со мной секретарша.

Даже интересно, что же она во мне рассмотрела. В холле, проходя мимо зеркала, случайно бросаю взгляд на свое отражение. Нимб, слава богу, не вырос, а то хоть бизнес бросай.

Неподалеку от офиса есть отличная «Шоколадница». Все конфеты – ручная работа. Я выбираю небольшую корзинку (куда-то же складывать надо) и ассорти. Так, эти вкусные,

эти я тоже люблю... а еще можно эти... и эти...

– И эти? – удивляется продавец.

– И эти.

Пишу записку. Нормальной бумаги здесь нет, только открытки – сойдет, вряд ли она обратит на это внимание.

«Если и есть шоколад, то такой, который заменит все аптечные витамины.

Александр Воронов».

Отправляю с курьером – и на заслуженный отдых.

Такие пробки, что, пока доезжаю домой, уже ничего не хочется. Даже есть. В доме в гостиной горит свет. Непривычно, мелькает ощущение, будто кто-то ждет. Раньше хотя бы была Марина, а теперь...

Она загорает на море, а свет забыла выключить моя Френкен Бок.

Загнав машину, не сразу выхожу из нее. Смотрю на окна. Мелькает желание, чтобы кто-то вышел из дома, встретил меня, убедился, что со мной все в порядке, обрадовался. А потом прихожу в себя. Такая чушь лезет в голову! Это все от усталости. На меня и в детстве всем было плевать: вернулся, сбежал, пришел с синяками или пятерками.

Это все сваха. И витамины. Ну и голод, конечно.

Войдя в дом, думаю, что нужно подняться к себе, принять душ, переодеться, что-то поискать в холодильнике. Может, там завалился кефир? На крайняк – выловлю яблочки из компота.

Но двигаться не хочется. Мой максимум на сегодня – гостиная. Скинув пиджак, ложусь на диван.

Глаза устали. Мысли, кажется, еле шевелятся. Два новых клиента – это отлично. Сложных клиента. Но никуда не денутся, они теперь наши.

Услышав какие-то звуки, открываю глаза и тут же их закрываю под тихий шепот, который меня убаюкивает:

– Спите. Спите, я вас просто укрыла...

Плед. Надо же. А так и правда теплее.

– А когда проснетесь, ужин будет теплым и вкусным, – уговаривает меня этот шепот. – Никаких цветов, никаких специй.

– Я еще соусы не люблю.

– И никаких соусов, обещаю.

– Так, глядишь, лет через пять методом проб и ошибок мы полностью исключим то, что я терпеть не могу, – говорю я, зевая.

Думаю, что-то пытаюсь вспомнить важное, и уже на грани яви и сна все-таки вспоминаю:

– Оставайтесь.

Ну а дальше мне, скорее всего, уже снится, как она заботливо натягивает плед повыше, практически укутывает меня в него и приговаривает с улыбкой:

– Куда же я денусь? Вот пристрою вас в хорошие руки, тогда уж уйду... Вот вы скоро женитесь, и...

Глава 8 Александр

«Вы самый лучший!» — поступает сообщение утром.

Отличное начало дня, я считаю. Настораживает одно: сообщение от Марины. А еще к нему прилагается снимок, где она на фоне моря и песка стоит в обнимку с каким-то пузатым мужиком лет шестидесяти.

Очень похоже на завуалированный sos. Молодая девчонка, жизни почти совсем не видела, приехала в чужую страну, а там этот, прогуливающий дом престарелых. Так и знал, что греческий вазелин не оправдает надежд.

«Сбрось номер карты – вышлю тебе на обратный билет».

Пока я принимаю душ, от Марины успеваает прийти пять смайликов и еще одно сообщение:

«Вы правда самый лучший! Лишний раз в этом убедилась. Если бы не вы, я бы никогда сюда не попала и не встретила любимого человека. Я очень-очень счастлива. Спасибо вам большое! Вам и вашему другу, Матвею Сергеевичу. Передайте ему от меня благодарность тоже, пожалуйста. Он тоже самый лучший»

Перебьется.

Лучшим должен быть кто-то один. И вообще, я его стараниями чуть язву не заработал. До появления в моем доме Маргариты Аркадьевны я и понятия не имел, сколько есть

способов, чтобы испортить мясо. На этой неделе горничная открыла мне минимум четырнадцать. И сомневаюсь, что это предел. Причем гарниры у нее получаются, а вот с главным блюдом беда. Не знаю, сколько еще продержусь.

Того и гляди дойдем до того, что у плиты стану я и начну готовить завтрак для себя и для горничной. Черт дернул меня за язык... Если бы не тот плед, которым она меня так заботливо укрывала...

И ведь уже не в том возрасте, когда хотелось заботы. Простой, бескорыстной, просто потому, что ты есть.

А она еще и ужином подкупила – сделала вкусную пасту. А утром опять по новой – то пересолит, то недожарит, то вбухает в мясо столько разных специй, что создается ощущение, будто она только их и готовила.

Покосившись в сторону, замечаю на тумбочке бутылку минералки. Сильногазированной. Ну неужели?! Хоть в этом прогресс! Открываю крышку, и...

– Твою мать!

Оказывается, крышка уже была открыта, и давно: газа в ней практически не осталось. Маргарита Аркадьевна постаралась, кто же еще? Ее стараниями я скоро сдуюсь как шарик: дома нормально ни поесть, ни попить. Только и радости, что произойдет это в стерильных условиях. Из-за порядка, который она навела, я на днях узнал, что цвет люстры в гостиной белый, а не топленого молока.

Вопрос: стоит ли это эстетическое открытие моих еже-

дневных страданий?

Сделав пару противных глотков, ставлю бутылку обратно и внимательно рассматриваю фотографию из Греции. В том, что этому старому хрычу повезло, даже не сомневаюсь. Но да, и Марина выглядит довольной, улыбка здесь настоящая, немного трогательная. Улыбка-то меня и торкнула, когда я брал ее на работу.

«Рад, что ты не зря тащилась в эту жарень. Но если он станет подсовывать тебе брачный контракт, ты всегда знаешь, с кем можно проконсультироваться и где климат лучше».

В ответ мне прилетает еще несколько смайликов с проказливо высунутым языком. Будем считать, убедила.

– Доброе утро, Александр Юрьевич, – встречает меня горничная, когда спускаюсь на кухню.

– Надеюсь.

Я кошусь в сторону стола, где меня поджидает очередная жертва эксперимента. Нет, не рискну.

– Я буду только кофе.

Горничная с готовностью нажимает на кнопку кофемашины. Ее подозрительная покладистость вполне поясняется, когда вместе с чашкой кофе она ставит передо мной тарелку с творогом и ягодами.

– Вкусно, полезно и быстро, – перечисляет она.

Да уж понятно, что быстро. Тут с готовкой она даже не заморачивалась. Видимо, заметив, что я без особого интереса

смотрю на творог, она добавляет:

– Это именно то, что нужно мужчине с утра для поднятия настроения и поддержания формы.

– Не хочу вас разочаровывать, но если по утрам мужчину интересует только творог, ему уже ничего не поможет.

Из уважения к ее возрасту я не вдаюсь в детали, что именно помогает держать себя в форме и значительно улучшает настроение. Ну и из чувства самосохранения тоже. Неделя celibata все же. Только воспоминания и остались.

– Кстати, – допив кофе, интересуюсь, – как там наш кастинг?

– У меня все готово. Если ваши планы не поменялись, вечером я все организую. Хотя вы могли бы не тратить на это свое время. Поверьте, они полностью отвечают всем вашим требованиям.

Ага, после лекции про мужчин и творог в это особенно «верится».

– Сам посмотрю.

Лучше потратить на это тридцать минут сейчас, чем отбиваться полгода потом. Хватит с меня случайных контрактов.

Допив кофе, поднимаюсь из-за стола и бросаю взгляд в сторону горничной. Вот любит она этот момент, чтобы поговорить по душам. Знает, что я спешу и долго спорить у меня времени нет.

– Александр Юрьевич!

Ну вот.

– Я хотела сегодня днем отпроситься у вас на пару часов. Комнату я себе выбрала, подготовила, уже можно перевезти вещи.

– Какую комнату?

– На первом этаже. Она не очень большая, практически в самом углу. Судя по состоянию, в котором она находилась, гости в нее вообще не заглядывали. Поэтому я не сильно вас потесню.

– В каком смысле?

От нехорошего предчувствия остатки настроения окончательно пропадают. Это же не то, что я думаю? Может, она просто выбрала себе уголок, где сможет днем отдохнуть часик там или два? Хотя я бы на ее месте лучше раньше закончил и раньше ушел, чем сидеть в чужом доме.

Горничная устремляет на меня долгий взгляд.

– Помните, несколько дней назад вы уснули в гостиной?

– Ну.

– И вы мне предложили остаться.

Такое событие хрен из памяти вышибешь.

– Ну.

– Я подумала и согласилась. Присмотрела себе комнату. Предложение переселиться в ваш дом и правда имеет смысл.

Одна чашка кофе на голодный желудок точно не поможет сосредоточиться. У меня на ночь даже Марина не оставалась, хотя мы бы нашли чем заняться. А для чего мне ночью может понадобиться Маргарита Аркадьевна? Стереть пыль

с пачек презервативов, которые отчасти благодаря ее появлению давно не видели белого света?

– Я имел в виду, что вы можете оставаться работать. О том, чтобы и жить в этом доме, речи не шло.

Она какое-то время всматривается в меня, переваривая ответ, а потом кивает.

– Я вас поняла. Комнату я сегодня же освобожу.

То есть она уже там спала? Н-да, нужно было строить дом меньше. Толку с него, если я даже понятия не имею, где висит паутина, оставленная Мариной, а где пристроилась новая горничная и втихаря вскрывает бутылки с минералкой, которые я привожу?

– Доброе утро, Александр Юрьевич! – приветливо улыбается моя помощница при моем появлении.

– Столько раз обещали – а сбылось хоть бы раз.

– Чашечку кофе? – Она присматривается ко мне и меняет свое предложение. – Две?

Понятно: думает, что я всю ночь пил и кутил. А это я из-за постоянного недоедания по утрам скверно выгляжу, а пил только воду без газа.

Она опять улыбается, и я невольно присматриваюсь. Обычно, если женщина что-то выставляет напоказ, она хочет, чтобы на это обратили внимание. Зубы, что ли, себе отбелила? Не может же ее так радовать появление шефа?

– Одну чашку кофе и стейк, – говорю я, так и не увидев какой-либо разницы. – Занесешь потом все вместе.

– Да, хорошо. – Она берет телефон, чтобы позвонить в ресторан, и заодно протягивает пухлый конверт. – Это вам. Опять передали с посылным.

Отправитель – моя недавняя пассажирка. В конверте прощупывается что-то пухлое и приличное. Даже тяжелое. Если опять шоколад, то грамм триста – не меньше.

– С заказом повремени, – отдаю распоряжение и захожу в кабинет.

Первой выпадает увесистая коробка. Записка идет неохотно, как будто ей стыдно за содержание. Ну это становится ясно, когда я читаю ее:

«Нас больше ничего не связывает. Оставь меня наконец-то в покое».

Хм, по ходу, конфеты ей не понравились.

Открываю коробку и с удивлением рассматриваю массивное кольцо. В моей практике это не первый случай, когда от меня пытаются откупиться, но такую безвкусицу видеть не приходилось.

Рубин, изумруд, сапфир – по этому колье можно смело изучать название драгоценных камней. Но уверен, носить его не стала бы даже Маргарита Аркадьевна.

– Заказывать стейк? – спрашивает Алена, когда я вызываю ее в кабинет.

– Нет. – Я передаю ей записку. – Закажи этот чай и курьера.

– Успокоительный, – взглянув на название, угадывает она.

– Откуда ты знаешь?

– Да у нас половина фирмы на нем уже неделю сидит, – бесхитростно выдает она. – Сначала пьют чай, потом идут к вам в кабинет.

– То-то я заметил, что они не торопятся. Думал: задницы отрасли, не в силах подняться. А у них, оказывается, коллективное чаепитие.

– Угу, – кивает секретарша. – Но теперь, если этот чай начнете пить и вы, может, дело поживее пойдет.

Я медленно выдыхаю, чтобы не сорваться на полезном источнике информации.

– Этот чай на подарок. Мне по-прежнему кофе.

Она заметно грустнеет и торопится покинуть мой кабинет. Едва успеваю сказать:

– Стейк позже. Пока вызови мне Лагунского и Каретина.

Скорее всего, она их предупредила, что проболталась про чай, потому что являются они буквально спустя минуту. И, наверное, заодно проболталась про то, что завтрак я отложил на потом, потому что еще две минуты они нерешительно стучат в кабинет.

Не выдержав эту неумелую подделку под дятлов, интересуюсь:

– Мне что, вам самому открывать?!

Дверь наконец открывается. Заходят двое. Лица потные, дышат тяжело, воротники рубашек влажные – бери и отжимай.

– Что, не успели выпить чай – решили им хотя бы умыться? Садитесь уже, хватит отбивать чечетку в дверях. Нервирует: у вас явно с ритмом проблемы.

– Можно мы просто присядем?

– Зависит от того, как пойдет разговор и не нарою ли я проблемы с чем-то другим.

Они усаживаются в кресла. В глаза стараются не смотреть, мнутя. И это одни из лучших специалистов!

– Каретников, что ты там ерзаешь? Учти, если ты закинулся чаем не только за воротник, химчистка кресла пойдет за твой счет. Или просто заберешь его к себе в кабинет. При хорошем раскладе.

– А при плохом?

– При плохом – кабинета у тебя может не стать.

Лагунский смотрит уже почти победителем на того, с кем все это время невольно конкурировал.

– А может, освободятся сразу два кабинета. Ничего, сходите вместе в чайную – все веселее будет.

Переключаются они быстро. Вообще, оба хваткие и сообразительные – хрен знает, что с ними случилось в последнее время. Но чую, теперь про чай они вспомнят не скоро. Вот что значит простимулировать!

– Что у тебя по работе с «Магнеоном»? – Перевожу взгляд на Каретина. – Почему дело еще не закрыто с пользой для нас и заказчика? Пятое заседание, мать его! Гоняют тебя как девочку. Или, может, ты выяснил, что владелец «Маг-

неона» – большой поклонник пинг-понга, и решил продлить ему удовольствие? Может, это стратегия, о которой я не подозреваю?

– Если вы позволите, Александр Юрьевич...

– Нет, я просто так тебя пригласил – чтобы ты кресло мне попортил и помолчал.

Он правильно расценивает мои слова как согласие и начинает рассказывать о том, как продвигается дело. Стратегия действительно есть, это-то его и спасает. Мутная стратегия, дерганая – самое то, чтобы запутать соперника. Я сам, пока слушал, едва не уснул. А это ж еще через это пройти.

– Уверен, мы выиграем! – заключает Каретин.

Я теперь тоже. Знал бы на месте соперников, через какую тягомотину он их пытается провести – сам бы сдался, досрочно.

– Теперь по тебе, – сосредотачиваюсь на Лагунском. – Почему «Стиль М» заключил договор с нашими конкурентами? Хотя к нам они обратились первыми?

То ли он приободрился тем, что Каретин уже отбил, то ли сам отдышался, но я снова вижу перед собой специалиста, которого принимал на работу. Все четко, по делу и правильно. «Стиль М» цена на наши услуги показалась слишком завышенной. Теперь они проиграют дело и снова придут. Естественно, сумма контракта будет значительно выше.

– Они могут выиграть?

– У меня есть свой человек, который работает у наших

конкурентов, я смотрел документы. У них ни единого шанса. Но даже если случится невероятное, у них такая брешь в документах, что прецедент обязательно снова возникнет. Отмыться будет сложнее.

Неплохо. Все, что сделаем мы, – залатаем эту брешь и еще в несколько раз повысим сумму контракта.

– Свободны, – говорю я после того, как мы заканчиваем с возможными нюансами и на всякий случай развиваем несколько тактик. – И да, мой вам совет: переходите на кофе. Кофе лучше, чем чай. Проверено на себе.

Кивнув, они открывают дверь.

– Александр Юрьевич! – пользуясь моментом, заглядывает в кабинет секретарша. – Ваш чай принесли! Тот, который вы заказали!

Взгляды сотрудников на прощанье были такими, словно они заподозрили, что я собираюсь скупить весь чай в городе, а для них пожалел одну пачку. Но им повезло: вслух о своих подозрениях они сказать не решились.

За пару часов я успеваю разгрести текучку, просмотреть финансовые документы и спугнуть в комнате отдыха стайку сотрудников с чашками. Кстати, там стоял такой запах, как будто у чая эффект не успокоительный, а слабительный. Хорошо, что я последним зашел, а то как-то было бы даже неловко.

Ну мне-то этот чай рекомендовал попробовать Яров, а их кто на него подсадил?

– Костя, водитель вашего друга, Матвея Сергеевича, – отвечает моя секретарша, когда я задаю этот вопрос. – Он как-то сидел в приемной, ну и сказал, что у них в компании только благодаря этому чаю многие и переживают времена, когда шеф не в духе.

По Ярову вообще трудно угадать: в настроении он или нет. Как по мне, он не в духе всегда. Молодец, удобно устроился: делает выручку сыну, который держит чайную лавку. И я вот тоже стал соучастником.

– А не так давно Костя сказал, что им чай уже не нужен, и привез его нам, – продолжает Алена.

– Понятно. Яровские сотрудники просто пристроили вам неликвид. Чай явно просроченный. Закажи новый. Нормальный. Не там. И да, еще кофе, побольше.

– А вам коньяк, как всегда?

– Нет смысла менять хорошие традиции, – соглашаюсь, кивнув. – Так, а что там с курьером?

– У одного сломалась машина, когда он уже к нам подъезжал. Второй пока блуждает по лабиринтам улиц: я ему подсказываю, подсказываю, а он никак нас не может найти.

– Похоже, не только мне сегодня нажелали доброго утра.

Мы сотрудничаем с этой фирмой уже несколько лет, и такое происходит впервые. Понятное дело, что они выплатят штраф. Но колье им теперь не доверишь, даже такое.

– Так, ладно. Давай сюда чай – сам завезу.

Чай тот же, что у моих сотрудников. Но, естественно, жен-

щине я не могу подсунуть абы какой, поэтому сначала внимательно смотрю сроки.

Глава 9. Александр

Сев в машину, достаю визитку нотариуса и смотрю адрес. Не центр, но хорошее место в новом районе. Плюс добираться удобно.

Минут через пятнадцать я оказываюсь на месте и нахожу еще один плюс: рядом грузинский ресторан. Хозяина я знаю, так что войти можно без риска для жизни. Удачно он открыл новую точку.

Администратор приветливо улыбается и предлагает занять столик. Я отмахиваюсь: голодный как черт, если сяду – это будет надолго.

– Четыре чебурека. С собой.

– Есть с сыром и зеленью, – следует перечисление, – есть с картошкой, а есть с помидорами и...

– Овощей я и дома поем. С мясом. Бараниной.

Спустя пару минут я выхожу из ресторана с приличным пакетом. Можно было купить и на обратном пути, но этот запах придает мне сил и энергии. А то еще чуть-чуть – и начну пробовать на прочность камни в колье.

– Анжелика Генриховна сейчас занята, – лепечет худосочная девица, едва я вхожу. – И вообще, у нее сегодня расписан весь день.

Расписан весь день – надо же! А у меня, значит, полно свободного времени болтаться по городу с ее драгоценностями!

– Но если вы скажете, по какому вопросу, то я смогу...

– Я сам.

Она на месте – большего и не нужно. Ее голос отчетливо доносится из кабинета, поэтому я просто толкаю дверь и вхожу.

– Я уже тебе говорила... – ее голос смолкает.

Пауза, которая возникает при моем появлении, позволяет быстро оценить обстановку. Она не одна. Помимо нее в кабинете какой-то пижон. Оба на взводе, если и обсуждают предстоящую сделку, то явно личного плана. Ну так и я по такому вопросу.

Моя пассажирка стоит у окна, скрестив руки. Пижон пытается ее приобнять и что-то внушить, не обращая внимания на элементарный знак, что она закрыта для любой информации. Разгоряченные, с еще не остывшими эмоциями. Может, обсуждают, куда пропало кольцо?

– Я ненадолго.

Подойдя к столу, кладу конверт с колье и посланием. Оставляю банку чая – на пижона я не рассчитывал, но, похоже, он им двоим пригодится.

– Очень жаль, – доносится грустный голос Анжелики. – Может быть, ты удержишься?

Развернувшись, с удивлением смотрю, как она, кокетливо поправляя волосы, высвобождается из объятий пижона и поспешно направляется ко мне. Тот смотрит растерянно, но сам виноват: кто же так женщину держит? Ее же чувствовать

нужно. И дать возможность почувствовать ей, чтобы не бросалась на незнакомцев.

Короткая узкая юбка, высокие каблуки – засмотревшись на длинные ноги, я почти пропускаю момент, когда она, зацепившись о ножку кресла, едва не падает на пол. Подхватываю в последний момент, чуть не растеряв чебуреки. Женщины есть женщины, любят ставить мужчин перед выбором.

– Интересная привычка при каждой встрече со мной пытаться лечь на спину, – говорю я, рассматривая ее губы. – Может, и задержусь.

Я ожидаю, что она отстранится, но вместо этого она принимается поглаживать пальчиками рукав моего пиджака.

– Что мне сделать, чтобы ты был в этом уверен?

Отличный подход. Деловой. Понятное дело, она не хочет оставаться в кабинете с пиджонем. Тот нервничает, бросает в нашу сторону недовольные взгляды. Мило. Почему бы и нет? Яров вон на балет ходил, а тут бесплатное театральное представление, и ходить никуда не нужно, и зритель будет только один.

– Организовать вкусный кофе и выдать пару салфеток.

Она опускает взгляд вниз, замечает пакет, который у меня в руках, и он вызывает у нее куда больший интерес, чем тот, что я бросил на стол. Ну еще бы, так пахнет!

– А что здесь?

– Купил по пути чебуреки.

– То есть... – Ее пальчики принимаются наглаживать мой

рукав еще усердней, чем раньше. – Он там не один?

Я открываю пакет. Она пересчитывает, а потом смотрит на меня с такой надеждой, что я поделюсь, что я на секунду теряюсь. И дело не в том, что я почти привык к ежедневным лекциям по правильному питанию. Просто при мне женщины усердно делают вид, что питаются исключительно божьей росой. Странно узнать, что это не так.

– Не один... – выдыхает Анжелика довольно. – Можно мне два?

Да, теперь понятно, что с конфетами я действительно промахнулся.

– Зависит от того, понравится ли мне кофе, – выдвигаю условие.

Пока мы торгуемся, пижон устает заслонять собой и без того тусклый солнечный свет.

– Я вам не мешаю?

Глаза Анжелики суживаются, ее пальцы сжимают мой локоть, но она быстро берет эмоции под контроль и, пока я облегченно вздыхаю, с милой улыбкой ему отвечает:

– Рада, что до тебя наконец-то дошло то, что я тебе сто раз повторила.

Но радуется она и надеется зря. Осознав, что не стоит задавать неудобные вопросы, пижон меняет тактику. Пока Анжелика вызывает секретаршу и заказывает ей кофе, он усаживается за стол и тоже пытается не отставать.

– Мне чай. – Взгляд на меня. – Такой, какой я люблю.

– Мне жаль, но вашего чая у нас больше нет, – сообщает ему секретарша, смотрит на руководство и добавляет: – Вообще чая нет. Он... закончился.

Кивнув на банку чая, которая стоит на столе, он едва заметно морщится и со вздохом отдает новое распоряжение:

– Этот сгодится.

К моему удивлению, Анжелика ему не перечит. Немного помедлив, она кивает своей секретарше. Ну, значит, у них просто мелкая ссора. Скучно, развлечений не будет. Разве что только поесть: в машине все-таки не очень удобно.

– Меня зовут Валерий, – представляет пижон. – Валерий Рогов.

Естественно, это не дань вежливости и не благодарность за то, что он будет пить вообще-то мой чай. Разведывает обстановку.

– Воронов Александр Юрьевич.

– Воронов... – он хмурится. – Не тот ли самый Воронов...

– Да, владелец самой крупной адвокатской компании, – завершает вместо него Анжелика. – Только не понимаю, к чему тебе эта информация, Валер?

– А я не понимаю, почему он у тебя в кабинете. Не понимаю, почему ты пишешь такую записку, а потом пытаешься пойти на попятную.

– Записку? – Я благодарно киваю секретарше, которая ставит передо мной чашку с кофе. – А можно подробнее? Гражданские споры – одно из наших направлений. Как знать,

пока я на месте, может быть, смогу дать дельную консультацию.

Пижон выглядит заинтересованным. Это замечает и Анжелика, потому тут же отвечает вместо него:

– К счастью, нам с Валерой нечего делить. К тому же ты слишком дорогой адвокат.

– Ничего, – решает пижон, – твою консультацию я оплатил, еще одну потяну.

Он достает бумажник, отсчитывает купюры. Встретив мой скептический взгляд, добавляет еще.

– Это моя женщина, – говорит он уверенно. – И я не собираюсь ее никому уступать. Надеюсь, это понятно? У нас просто маленькое недоразумение. И если никто не станет вмешиваться, мы скоро его разрешим.

Он двигает деньги ко мне.

– Спасибо, у меня есть салфетки.

Подхватив одну, достаю чебурек и передаю его Анжелике. Огромный, она еле держит его. Хорошо, что заходит ее секретарша с тарелками.

– Одна лишняя, – говорю я, когда она ставит тарелку и перед пижоном. – У нас все рассчитано на двоих.

– Если вы удалитесь, – цедит пижон, – нас и останется двое.

– Перестань! – не выдерживает Анжелика. – Александр – мой друг, а ты устраиваешь какой-то цирк!

Вздыхаю. Цирк – это плохо, клоунов не люблю. Недосто-

верно играют, как этот. Лучше б театр.

– Вы волшебница, – сообщаю я секретарше, потому что с тарелкой гораздо удобней.

Но так о девушке я думаю ровно минуту. Или даже чуть меньше. Пока она не возвращается с чашечкой чая. От одуряющего запаха я прячусь за чебуреком. Анжелика делает так же, а вот Валере не повезло. Во-первых, он сам заказал. А во-вторых, ему выдвигают условие:

– Если ты передумал пить чай – уходи.

Глядя на Анжелику, он берет в руки чашку. Не торопится, вдыхает запах – то ли хочет к нему привыкнуть, то ли оставляет себе шанс передумать. И так же, удерживая взгляд хозяйки этого кабинета, делает первый глоток.

Потом второй. Третий.

А на четвертом я понимаю, что вряд ли он вообще замечает и запах, и вкус. Они его не волнуют. Он просто хочет еще чуть задержаться здесь, побыть рядом с ней – любимыми путями.

Анжелика делает вид, что ей все равно, но это не так. Во-первых, с чебуреком она справляется куда раньше меня, а при моем чувстве голода это рекорд. А во-вторых, она как бы ненароком двигает поближе к пижону корзинку с конфетами.

Ну нет, на мыльную оперу я не подписывался. С меня хватило и того, что их любила Марина. Как ни зайдешь домой, так и слышно:

– Мы не можем быть вместе, Мустафа! Я люблю тебя сильнее, чем солнце любит каждое утро гулять по голубому небу. Ты для меня как источник воды в беспощадной пустыне. Но мой отец еще беспощадней!

– Лейла! Ох, Лейла, только не это! Ты разбиваешь мне сердце! Я так долго не выдержу, я без тебя дышать не могу...

И оба рыдают. Нет, трое – включая Марину. Говорил ей: все будет в порядке, не изводи себя. Не верила. Ну и кто в итоге был прав?

Проходит сто серий, а он по-прежнему дышит и бежит по экрану. Да и она отнюдь не изнывает от жажды. В общем, одно вранье это все.

Но беспощадным мне сегодня быть как-то лениво, да и чебурек меня успокоил, поэтому, взглянув на часы, поднимаюсь.

– Мне пора. Рад был увидеться.

Анжелика ставит на стол свою чашку с кофе и подхватывается следом за мной. Ее бегающий взгляд выдает поиск решения, как меня задержать, и в итоге она находит единственный аргумент:

– Второй чебурек.

– Оставляю Валере. Мои конфеты ему неплохо заходят.

Она делает глубокий вдох, в глазах искры. Но вместо того, чтобы вспыхнуть, она их мастерски гасит.

– Я тебя провожу. – И, не оборачиваясь к Валере, бросает

уже на ходу: – Поторопись, пожалуйста, через пять минут у меня клиент.

Потом вспоминает о чем-то и меняет решение:

– Дождись меня.

Пижон расцветает и стоически допивает чай в два глотка.

Мы выходим из кабинета, пересекаем приемную, выходим в холл.

– Спасибо, дальше я сам.

– Знаете... – Она качает головой, как будто раздумывает: говорить или нет? И все-таки продолжает: – Мне жаль, что вы стали свидетелем этой неприятной сцены. И я прошу прощения, что попыталась вас в это втянуть.

Она обнимает себя руками, и в этот момент кажется очень ранимой. Но не потому, что ей пришлось извиняться. Разве только отчасти.

– С прошлым, – она переводит дыхание, – с прошлым нужно разбираться самим.

– Это не прошлое.

Она вскидывает на меня взгляд, открывает рот, чтобы оспорить мое заявление, но я действительно не поклонник романтической чуши. Поэтому говорю прямо, как есть.

– Ты принимаешь от него подарки. Принимаешь, – добавляю с нажимом, – рядом с футляром лежала лента от упаковки, а это значит, что ты ее вскрывала. Ты пишешь ему записки. Твоя чашка с кофе осталась нетронутой. И ты предложила ему альтернативу. Да, чай пахнет скверно, на вкус вообще

трудно представить, что это за гадость. Но ты оставила ему лазейку остаться. А могла просто выставить. Поэтому признаешь ты это или нет, но для тебя он не прошлое.

Она отводит взгляд в сторону. И хрен знает, что тянет меня за язык. Может, эта ее ранимость или отходняк после сериалов Марины.

– Важно помнить, что у всего есть срок годности. В том числе и у возможности помириться.

– Это невозможно. Вы просто не представляете... – она осекается, понимая, с кем пытается говорить о личном, и мгновенно закрывается за дежурной улыбкой. – Спасибо, что занесли колье.

Скорее всего, ей все еще неловко за секундную откровенность, поэтому я шутливо интересуюсь:

– А за чебуреки?

Вот теперь она улыбается по-настоящему, непринужденно, тепло.

– За них в первую очередь.

Я уже собираюсь уйти, когда вдруг вспоминаю.

– Кстати, насчет чая. Ты знала, какой он?

– О да! Купила в одной чайной лавке. Причем обычно там всегда самый вкусный чай, ну я и взяла, когда мне посоветовали. Продавщица была такой милой, так убедительно уверяла, что чай замечательный. Но я сама виновата: не обратила внимания на то, что она в положении.

Киваю. Знаю я эту продавщицу. Из той же семьи, что и

Яров. Это нам еще повезло, что эта банда, которая уболтает любого, торгует чаем. А если бы мясом?

Мой смартфон оживает. Из приемной тоже доносится трель. В холл заходит клиент. А в кабинете ждет приговора пижон.

– Ириске привет, – бросаю я.

Выйдя на улицу, отвечаю на вызов. По работе, понятное дело. Пока вхожу в суть вопроса, пока раздаю указания, оглядываюсь, услышав шаги за спиной, и вижу Валеру. Быстро. За тот подвиг, который он совершил, я позволил бы ему посидеть чуть подольше.

Он спускается со ступенек и тут же хлопает себя по карманам. Достает сигареты, несколько раз щелкает зажигалкой, жадно затягивается, а потом замечает меня.

– Друг... – усмехается. – Что-то раньше у нее таких друзей не водилось.

– Я так понял, раньше у нее не только в этом вопросе было иначе.

Он снова затягивается, выпускает вверх струю сизого дыма, а потом отбрасывает в сторону сигарету и подходит ко мне.

– Если ты и правда ее друг, – говорит с вызовом он, – ты же хочешь, чтобы у нее все было хорошо? Так помоги. Помоги, чтобы так все и было.

– Как по мне, – пожимаю плечами, припомнив крысу в руках, – я для этого уже достаточно постарался.

Но он словно не слышит. Что-то вбил себе в голову и прет напролом.

– Мы помиримся, – говорит убежденно. – Мы столько лет вместе, она – все для меня. И я знаю, что она меня все равно любит. Невозможно разлюбить за неделю. Все ошибаются, разве не так? И все ошибки можно исправить.

– Ну, есть, к примеру, те, после которых остается машина всмятку и пепел на кладбище. И даже если машину позже починят, вряд ли это можно назвать исправлением.

– Смешно, – хмыкает он. – У меня ошибка попроще. Да это вообще просто косяк!

Так... Драгоценности, неделя с момента их расставания, обоих еще крутит друг возле друга.

– Это не косяк, а левак, – делаю вывод.

Он снова вздыхает.

– Пусть так.

Качает головой, ерошит волосы. Черт, он меня от горя, случайно, с Лейлой не перепутал? Тру бороду, чтобы у него прорезалось зрение. Но все, чего я добиваюсь...

– Ну ты же, как мужчина, меня можешь понять, – говорит он убежденно.

– Да хрен там! – я наконец-то взрываюсь и тоже бросаю пижона.

Достал, честное слово. У меня Марина замуж выходит, у меня на завтраки творог с фруктами, у меня по утрам минералка без газа, у меня в горничных Маргарита Аркадьевна.

А у него сразу две женщины за неделю!

Ну ничего, думаю, сегодня вечером я свою статистику снова поправлю.

Целый день работаю на износ, предвкушая, какое меня ждет приятное шоу. По офису разносится душераздирающий запах успокоительного чая.

– Это остатки! – выпаливает секретарша, заметив, как я стою в дверях и принохиваюсь. – Я просто не успела у них отобрать!

– Ладно-ладно, – отмахиваюсь миролюбиво.

– Александр Юрьевич, вы же помните, что в субботу вас пригласили на вечеринку? – напоминает она перед моим уходом домой.

– Вот черт!

И не пойти нельзя: все же хороший клиент. И как оставить новую горничную на растерзание Маргариты Аркадьевны? Я собирался как-то ее поддержать морально в первое время.

Хотя, если выбрать не очень пугливую...

Давненько я не возвращался домой в таком настроении. Все же предвкушение играет ничуть не меньшую роль, чем процесс.

– Как у нас здесь? – спрашиваю, когда горничная встречает меня у двери.

– У нас все готово, – рапортует сухо она. – Ждем только вас.

– Через пятнадцать минут. В моем кабинете. Пусть захо-

дят по одному.

Она кивает и скрывается в доме. Наверное, в той же комнате, куда пристроила кандидатов, чтобы они отдохнули, пока я приду. А может, они уже что-то там натирают? С нее станется в первый же день напугать их той самой комнатой с паутиной.

Принимаю душ, переодеваюсь в чистую рубашку и свободные брюки. Рукава рубашки закатываю: так гораздо удобней. Подумав, расстегиваю пару пуговиц – почему бы и нет? Так заметно татуировку, а я знаю, как они нравятся женщинам. Марина любила ее исследовать своим языком.

Плеснув себе коньяка, откидываюсь на спинку кресла и звоню горничной на мобильный, чтобы уже заводила.

Дверь открывается. Я растягиваю губы в улыбке, чтобы успокоить бедняжку, которая целый день терпела мою Фрекен Бок.

Час икс. Первая кандидатка заходит.

– Добрый день. Меня зовут Игорь. Мне двадцать два года, я...

Он продолжает перечислять, что умеет, рассказывает, какой он ответственный. А мой мозг дозировано подтверждает: ага, это он – не она. Ага, не кандидатка, а кандидат. Ага, его зовут Игорь, а не Инесса.

Я с такой силой ставлю на стол стакан, что парень ненадолго сбивается. А потом продолжает убеждать, что работа горничной в моем доме чуть ли не мечта всей его жизни.

Нет, ну даже если и так, мы с ним точно мечтаем о разном.

– Свободен, – придя в себя, обрываю его.

Он кивает, спокойно выходит за дверь. Я надеюсь, что это просто маленькое недоразумение и вот сейчас...

– Добрый день, – заходит очередное недоразумение. – Меня зовут Вячеслав, мне двадцать три, и я...

– Свободен!

Этого я даже не слушаю.

Едва он выходит, появляется третий. Аккуратный, как все предыдущие, – в белой рубашечке, отглаженных до стрелочек брючках.

– Добрый день, меня зовут Евгений, и я...

Похоже, Маргарита Аркадьевна выбирала их, ориентируясь исключительно на свои ожидания. А Алла еще меня упрекала, что я отдаю предпочтение девушкам помоложе, чем сам. Тут же вообще разница в возрасте – бездна!

– Свободен, – машу рукой, чтобы и этот оставил меня в покое.

Он выходит. Вместо него в кабинет протискивается Маргарита Аркадьевна. Губы поджаты, брови чуть сдвинуты.

– Александр Юрьевич, – каркает она, пока я застегиваю рубашку и закатываю рукава, а то сижу тут на обозрении. – Я хотела бы уточнить, чем именно вас не устраивают кандидаты на должность моего помощника. Уверяю вас, все они отвечают требованиям, которые вы перечислили. Стрессоустойчивость, работоспособность, желание идти на контакт,

возраст – до тридцати, привлекательная внешность.

Я добавляю себе коньяк, осушаю его в два глотка. Понятно же, что я не в настроении, ко мне лучше не приближаться. Нет. Подходит к столу и продолжает нудеть:

– Они очень долго вас ждали. Неужели вы даже не хотите с ними познакомиться?

Вообще-то не хочу. С меня на сегодня знакомств с мужиками хватает. Но смотрю на свою Фрекен Бок и понимаю: я быстрее сопьюсь, чем она выйдет из кабинета.

– Много их там? – спрашиваю я не очень радушно.

– Еще пятеро. Но если вы захотите, те трое тоже вернуться.

– Минуту. – Достав смартфон, жму на вызов. – Яров?

Как вечер, что делаешь?.. А, смотришь передачу про охотников?.. Ну, можно сказать, что вечер потерян. А у меня тут твоими стараниями гей-парад в доме проходит. Не хочешь, случайно, приехать?

Глава 10. Анжелика

– Нет! – Филипп округляет глаза, отчаянно машет головой и уверенно повторяет: – Нет! В дом не впущу – не проси!

Я догадывалась, что с ним будет сложно договориться, но все же рассчитывала на другой результат.

– А на улице дождик, – грустно вздыхаю я.

– Ты можешь зайти, а их не впущу!

Он даже не смотрит в коробку, которую я держу в руках. Не знаю, как у него получается оставаться таким бессердечным, когда оттуда доносится разномастное «мяу».

– Они так надеялись, – тяну я тоном попрошайки у церкви. – Они так верили, что у них будет домик. Ненадолго, на время!

– На время – это, знаешь ли, очень размыто. Но! – он пресекает мой порыв уточнить. – Это не имеет значения, потому что я их вообще не собираюсь впускать!

По-моему, он и правда настроен решительно. Стоит, закрывает собой дверь в дом, взгляд непроницаемый.

Ох, приходится действовать тоньше. Я делаю шаг назад, и капли дождя, стекая с козырька над террасой, начинают падать на мою куртку. Она, конечно, водонепроницаемая, но есть шанс, что брат смилостивится раньше, чем это поймет.

– Представляешь, их бросили в лесу. В коробке. Не в этой. В старой, закрытой коробке, чтобы им было трудно дышать

и они быстрее задохнулись. Не понимаю, как кто-то мог это сделать? Они ведь маленькие и беззащитные. И очень милые. Вот это Томат, рыженький, с белыми пятнышками. – Я киваю на веселого котенка, самого беспокойного из всех. – Я это Баклажан – видишь, у него перевязана лапка? И он черненький. А этот серо-рыжий – Брюс. Или Брюссель. А серенький – это Туман.

Брат впервые бросает взгляд на коробку.

– Отщепенец?

– Почему сразу отщепенец? – удивляюсь я.

– Потому что при чем тут Туман? – ворчит он. – Будь он им родной, был бы Чеснок.

– Если ты захочешь оставить его себе, можешь дать ему это имя, – предлагаю я, немного приободрившись. – Или любое, которое тебе только понравится!

Но брата подкупить не так-то легко. Он ведь уже видит, как по моей куртке стекают капли, и на котят посмотрел, а так и продолжает стоять в дверях, глядя с укором.

– Приюты переполнены. Я звонила и ездила в три – мест нет, все забито. У меня квартира, закрытое пространство, соседи. А у тебя свежий воздух, частный дом, много свободного места.

– Которое я не собираюсь заполнять животными. Кстати, воздух потому здесь и свежий.

– Филипп, клянусь, это ненадолго! Ты же знаешь, я потом их пристрою.

– Угу, крысу ты уже пристроила.

– Ириска – это другое. Да, она тоже должна была пробыть у меня всего несколько дней. Но ее никто не захотел взять к себе. Редкий случай.

– А за твоим борщевым набором, конечно, сразу очередь выстроится!

– Вряд ли сразу. Даже скорее всего – не сразу, – неохотно признаю правду я. – У нас ведь многие предпочитают купить, а не помочь кому-то из приюта. Но ведь удачные случаи были!

– Угу, – Филипп скептически хмыкает. – Одного собаку я удачно подкинул в кабинет нашей бухгалтерше. Она целый день его прятала, чтобы, не дай бог, наш отец не увидел, а потом за день взяла и привыкла. Теперь поздно по вечерам с ним выходит во двор. Такой монстр вымахал, что все соседи боятся. Да и на работе никто с ней предпочитает не ссориться. Я так вообще опасаюсь, что она меня вычислит, и обхожу ее кабинет стороной. Ты ведь меня уверяла, что это болонка!

– Это была не ложь. Эта была тактика. Иначе бы собаку никто не взял.

– Угу, – кивает мой брат. – Второго собаку я привязал к байку Дикого. Еще и имя присобачил созвучное заявленным характеристикам будущего хозяина и овчарки – «Варвар». Тот купился. Теперь этот «страшный» зверь размером с расческу сидит у него под мышкой и то и дело косится в мою сторону. Как думаешь, как скоро Дикий просечет, кто

его так подставил?

– Не переживай, – говорю я. – Если что, у меня в ветеринарной клинике хорошая скидка. Там спасают даже тех, кого, казалось бы, спасти уже невозможно.

Филипп закатывает глаза, давая понять, что этот аргумент прозвучал не так убедительно, как мне представлялось.

– А ты им нравишься, – говорю я, заметив, как рыженький высовывает мордочку и рассматривает моего брата.

– Ну это понятно, – отмахивается тот. – Но знаешь, мне всегда было любопытно, как долго продержатся чувства на расстоянии. По-моему, это подходящий случай проверить.

– Дождь усиливается. Видишь? – Я делаю еще один шаг назад, и мои волосы становятся влажными. Для убедительности я тру нос и громко чихаю. – Филипп, ну правда, всего на несколько дней. Считай, что они просто переждут у тебя плохую погоду.

Он деловито достает из кармана джинсов смартфон, смотрит на экран и прячет обратно.

– Не подходит. Прогноз погоды говорит, что дождь минимум на неделю.

– Бедненькие. – Я сочувственно смотрю на котят. – Ну хорошо, раз не впускают, поедем ко мне. Там, правда, совсем нет места и я появляюсь только поздно вечером, но ничего. Вот сейчас я вызову такси, мы его с вами дождемся...

Филипп осматривает окрестности, понимает, что моей машины действительно нет, и с горестным вздохом отходит

от двери.

– Хорошо. Но у меня для них только единственный вариант. Который не обсуждается!

Я поспешно киваю. Пусть угрожает. Нам главное – попасть в дом. Там тепло и уютно, но, к несчастью, мы там пребываем недолго. Филипп, за которым мы следуем, выходит на задний двор и кивает на недостроенный гостевой домик.

– Вот там. Если устраивает.

– Я думаю, – говорю осторожно, – что там им будет не очень удобно.

– Ничего. Вот ты будешь об этом помнить и быстрее заберешь их обратно.

Я соглашаюсь на то, что дают. Сначала пристраиваю коробку с котятами. Потом выпрашиваю у брата плед, чтобы им было теплее: все-таки осень. Потом он приносит тарелку, в которую я высыпаю корм для котят. И еще одну – для водички и молока. Я утешаю себя тем, что тут намного уютней, чем в лесу, а еще так, мимоходом, рассказываю брату, сколько раз и как их кормить, чтобы он потом проинструктировал свою домработницу. А потом я прошу его принести лоток, который пристроила у его крыльца, чтобы он не сразу заметил. И наполнитель.

– Фух, – выдыхает Филипп и, присев на лестницу, наблюдает, как котята бодро разбредаются по первому этажу.

– Ты такой молодец. – Встав позади него, я начинаю ему массировать плечи. – Ты сделал доброе дело!

– Слушай, – говорит он, блаженно прикрывая глаза, – а можно я в следующем добром деле не буду участвовать, а просто от него откуплюсь?

– Это что, чисто мужская черта? Если что-то трудно или не получается, попробовать откупиться?

Филипп разворачивается.

– Валера прислал новые драгоценности?

Я киваю и сажусь рядом с ним. Смотрю на котят: беззаботные, даже не догадываются, в какой были опасности. Пережили – и теперь веселятся. Может, так действительно проще – не знать?

Если бы я не застала Валеру, если бы не увидела все своими глазами, я бы и дальше пребывала в уверенности, что у нас все хорошо. А если бы кто-то сказал – не поверила бы, списала на зависть, обиду, тупую попытку нас просто рассорить.

Целый день мне удавалось не думать о нем, но Воронов прав. Я не отпустила его. Не перевела в статус прошлого.

– И где же они? – выдергивает меня из размышлений Филипп.

– Вернула ему.

– И он взял?

Я качаю головой. Нет, не взял, пришлось снова делать отправку с курьером. На этот раз никакой путаницы – посылка одна. В том, что Валера примчался в мой офис, я сама виновата. Перепутала адресатов. О чем только думала?

«Спасибо, очень мило. И да, признаю, с выводами я немного поторопилась».

Такую записку я написала Воронову. А получил ее Валера, в придачу с плиткой бельгийского шоколада, которая нравится и мне, и ему. Естественно, он подумал, что я простила, что пять лет отношений перевесили один день, когда все изменилось.

– И что это было? – снова тормозит меня брат. – Расскажи хоть, раз посмотреть не удастся.

– Колье. Это было самое ужасное колье, которое я когда-либо видела.

Неожиданно он обнимает меня и начинает гладить по спине, а я дышу-дышу ему в плечо, понимая, что еще чуть-чуть – и зачем-то расплачусь.

– Ну-ну, – приговаривает брат. – Нашла из-за чего убиваться. Если хочешь, я ограблю для тебя ювелирку.

Из горла вырывается тихий смешок. Я тоже обнимаю его и тихо сижу. Боясь даже пошевелиться, настолько мне с ним спокойно. Есть же такие мужчины.

– Кому-то с тобой повезет, – шепчу я.

– Естественно, – соглашается он. – Особенно если к тому времени ты и правда пристроишь эти неугомонные «овощи».

Отодвинувшись от него, я замечаю, что один котенок вцепился в кроссовок Филиппа и пытается его прогрызть, а второй, рыженький, старательно цепляясь маленькими коготками, пробует взобраться вверх по его джинсам.

– Милый, правда?

– Угу, – поддакивает мой брат. – Я вот только думаю: он хочет заползти на колени или его цель – моя шея? Это кровожадный Томат?

Я беру котенка в руки, и он тут же успокаивается, смотрит на меня своими невинными глазками в полном недоумении: как вы могли обо мне такое подумать?

– Так! – Взглянув на часы, Филипп резко поднимается. – У нас два часа, если мы не хотим увидеть кровожадного Генриха Эдуардовича. Кстати, ты отцу рассказала?

– Пока нет. Просто не было удачного момента и времени. Но я обязательно это сделаю!

Филипп смотрит на меня скептически: ну да, за неделю возможности поговорить с отцом не нашла, а тут на что-то надеюсь. Да я и дальше откладывала бы этот разговор, если бы только могла.

Но такой возможности, увы, нет. Сегодня мы всем семейством приглашены на день рождения папы Валеры.

Оставив беспризорников, мы возвращаемся в дом. Я звоню в магазин и прошу привезти свой заказ: платье, туфли, белье. А пока иду в душ. Мужской шампунь с запахом моря мне отлично подходит, я уже пробовала. А вот гель для душа заставляет меня улыбнуться. «Кря-кря-кря» – и он еще делал вид, что не впустит котят!

Кстати, запах женский и чуть сладковатый, кажется, персиковый. По-моему, его личные отношения вышли на новый

уровень. Переезд Валеры в мою квартиру начался с появления в ванной его бритвы и зубной щетки.

Я усердно намыливаюсь, чтобы не осталось и запаха от животных. И еще раз. Надеюсь, персики не подведут.

А здесь и вторая зубная щетка имеется, надо же! И молчит. Пытать бесполезно, придется терпеть, пока сам не скажет.

– Доставка! – стучит в двери ванной Филипп.

– Спасибо! – кричу я в ответ.

Он вздыхает.

– И все? Так и знал, что на чаевые рассчитывать нечего.

Обмотавшись полотенцем, выхожу из ванной: платье лежит на кровати, там же стоит коробка с туфлями и прозрачный пакет.

Чулки, тонкие трусики, платье сидит идеально. Я так долго его выбирала, так радовалась, что нашла, но сейчас от этих ощущений остались лишь отголоски. Оно без рукавов, черный верх, хорошо подчеркивается грудь, черный волан-цветок на талии, а потом цвет постепенно уходит от черного к дымчатому, а низ расклешенный, напоминает раскрывшийся многослойный тюльпан.

Постучав, брат заходит в комнату. Останавливается у меня за спиной, смотрит на мое отражение.

– Отлично. Пусть узнает, что потерял.

– Он знает.

Единственное, о чем не догадывается, – как часто я мыс-

ленно представляла, что наступаю на горло своим искореженным чувствам и прощаю его. И у нас все хорошо-хорошо, на руке у меня браслет, который он подарил, а на шее колье.

– Едем?

Я киваю, и мы выходим из дома.

– А с такси тоже был тактический ход или ты еще не забрала машину из ремонта? – интересуется по пути брат.

– Первое.

– Я так и подумал.

– И все равно нас впустил, – улыбаюсь я.

Он тяжело вздыхает, достает свой смартфон и демонстративно отмечает сегодняшний день как точку отсчета. Отмечает три, потом стирает метку и с щедрой подачи выделает мне целых четыре дня, чтобы пристроить котят.

– Не маловато? – пытаюсь я торговаться.

– Еще даже много. Ты к своей крысе привыкла всего за два дня – не хочу тоже стать жертвой привычки.

У ресторана «Авеню», где будет проходить вечеринка, уже много машин. Среди остальных я замечаю и машину отца. Жаль, я надеялась перехватить его раньше. А может, и к лучшему?

Мы заходим в помещение – за счет того, что столики убраны ради фуршета, оно кажется еще просторней, чем раньше. И это только часть ресторана, а он поделен на две. Льется музыка лаунж, и я бросаю взгляд на музыкантов, которые уже приуныли. Ну да, немного тоска.

Мы то и дело киваем знакомым. Филипп хотел бы к ним подойти, а вот я не рвусь. Позже. Не хочу сейчас знать, кто уже в курсе новостей в нашей семье, а кто еще нет.

– Тэкс, сначала подарим? – крутя в руках пакет, предлагает брат.

Но я уже замечаю маму и папу и направляюсь к ним. Хорошо, что они не с дядей Сережей. Одни, и это как раз удачный момент.

– Мам, пап...

Сначала я обнимаю отца и целую в щеку. Он сдвигает брови, но это так, напускное. А самому нравится.

– Что-то вы поздновато, – ворчит, приобнимая меня.

– Так получилось.

Я делаю шаг к матери и целую ее. Она тут же втягивает в себя воздух и морщит нос. Снова втягивает в себя воздух и оглушительно чихает.

– Анжелика! Боже, ну ты могла хотя бы сегодня не возиться с животными!

Она лезет в сумочку, достает салфетку и принимается тереть покрасневшие глаза. Зря я понадеялась на «Кря-кря-кря», мой гель справляется лучше.

– Прости, – каюсь я.

Она машет на меня платочком, чуть отстраняется и с тяжелым вздохом произносит:

– Нет, Анжелика, это просто невыносимо!

Мама лезет за флакончиком духов и прыскает их на меня

и себя. Первую порцию я терплю, а от второй вовремя уворачиваюсь, и она достается папе.

– Ну ты уж совсем не дури, – ворчит он.

Мама примирительно улыбается. Отец мне подмигивает.

– Не представляю, как тебя терпит Валера, – продолжает мама, немного придя в себя. – Он же такой чуткий мальчик. А у тебя постоянно то собаки, то кошки. Кстати, где он? Небось, на улице, пытается отдышаться?

Отец всматривается в даль вместе с мамой, стараясь рассмотреть его среди гостей. А Филипп толкает меня локтем в бок. Да знаю, знаю! Отпихиваю от себя его локоть и на одном дыхании выдаю:

– Есть хорошая новость! Ему больше не нужно терпеть. Мы с Валерой расстались.

Мне кажется, даже музыка в зале становится тише, и потому так громко звучит мамин вздох и произнесенное с ужасом:

– О боже... О чем ты думаешь? Тебе уже тридцать два... И я всем нашим друзьям сообщила, что у тебя скоро свадьба!

Реакция мамы не удивляет. Я тревожно всматриваюсь в лицо отца. Он же пока смотрит в сторону, внимательно, пристально, а потом сухо роняет:

– Вижу.

Новый тычок в бок заставляет меня развернуться, и я замечаю в дверях ресторана Валеру, который пришел не один. Рядом с ним та самая дочка судьи, которая нарезала вось-

мерки у него на коленях.

В горле становится сухо. Я цепляюсь рукой за локоть брата – пусть послужит во благо, не все же толкаться. Не могу отвести взгляд от пары, которая мило воркует. Стараюсь, но не могу.

– Ты была права, – говорит Филипп, приводя меня в чувство, – это самое кошмарное кольцо, которое только можно представить.

Да. На ней мои драгоценности. Вернее, драгоценности, которые для меня покупались.

Глава 11. Анжелика

Видимо, почувствовав мой взгляд, Валера оборачивается. Смотрит долго, пристально, будто не замечает ни друзей, которые ему кивают, ни своих родителей, ни девушки, с которой пришел.

К нему кто-то подходит, что-то ему говорит, а он продолжает меня жадно рассматривать. Мне кажется, он хочет ко мне подойти, но девушка еще крепче цепляется за него и практически прилипает к его боку. Она что-то шепчет, а потом понимает, что он не обращает на нее внимания, и безошибочно находит меня глазами.

Торжество. В них отражается торжество – тут даже гадать не приходится. Ее коготки по-хозяйски ползут по его плечу, снимая несуществующую пылинку. А потом она проводит рукой вдоль линии декольте своего серебристого короткого платья. Хочет показать, что он выбрал ее за массивную грудь?

Меня эта версия более чем устраивает, потому что других причин я тоже не вижу. Ну плюс еще моложе и наглее. Хотя первое вряд ли имело значение. Тридцать два – цифра, которая пугает лишь мою маму.

Милана снова цепляется в руку Валеры и тянется к его щеке губами. Все, что она делает сейчас, напоказ. Хочет продемонстрировать мне, что я потеряла. Думает, что она побе-

дитель.

Но я даже благодарна ей. За то, что пришла. За то, что нацепила на себя эти драгоценности. И за то, что одно ее присутствие позволяет мне снова взять себя в руки. Нет, радости видеть меня поверженной я ей не доставлю.

– Вот черт! – цедит папа.

– Нет, это Милана, – говорю я с улыбкой. – Она дочка судьи.

Отец снова рассматривает пару и выдает новый вердикт:

– Придурок!

Я киваю и опять улыбаюсь. Ему. И тем двоим, которые не сводят с нас глаз. Папа не в курсе нашей «кухни», у него крепкий бизнес, до суда даже мысленно никогда не доходит. Но у него чутье. Как и я, он уловил последствия для Валеры.

Хотя они, наверное, всем очевидны. Некоторые из наших общих знакомых уже подходят к ним, чтобы познакомиться с новой пассией. Как же быстро переметнулись.

– Боже мой... – вздыхает мама. – Это все так не вовремя!

– Да уж конечно! – рявкает отец. – Лучше было бы, чтобы он после свадьбы забывал ширинку застегивать!

Мама, осознав, что отец не только не в настроении, но и вообще ее не поддерживает, замолкает.

– Просто он такой милый мальчик... – продолжает она неуверенно. – Столько лет... и я привыкла считать его зятем.

Ее голос тонет в громких поздравлениях именинника, и она оставляет эту тему в покое. Ненадолго, но мне пока и

этого хватит.

– Так, – отец сдвигает сурово брови и смотрит на своего партнера, – нужно подойти к нему, пока его не закидали подарками. А то не откопаем потом.

– Конечно, – подхватывает его идею мама. – Анжелика, а ты, может быть, не будешь его поздравлять?

– Мам...

– Вот еще! – снова рявкает отец. – У меня не ферма, я страусов не воспитывал!

– Мам, – повторяю я, – если бы я отказалась поздравить дядю Сережу и ему из-за этого стало на год меньше, я бы осталась. Думаю, он и сам был бы рад. А так, конечно, я пойду. Тем более что у нас с Филиппом отличный подарок!

Мама машет платочком, прячет его в сумочку с видом «Я для вас сделала все, что могла» и уходит вместе с отцом. Мы с Филиппом пробираемся следом.

– Какая несправедливость, – говорит жалобно он, – я так не люблю все эти массовки, что был готов снести, как страус, яйцо, лишь бы меня дома оставили. А тебе этот шанс просто так предлагали! Даже тужиться не пришлось бы.

– Думаешь, у тебя получилось бы? Ну, справиться с яйцом.

– Ну, с двумя-то я как-то справляюсь!

– Я тебя немного разочарую. Во-первых, яйца у страусов тоже откладывает самка. А во-вторых, обычный размер яйца больше двух килограммов.

Он опускает взгляд вниз, видимо, понимает, что это не слишком удобно, и смиренно вздыхает.

– Ладно, пойдем тогда поздравлять дядю Сережу. С меня подарок, а ты готовь речь.

– Кстати, а что мы там дарим?

Филипп заглядывает в пакет, рассматривает его содержимое и перечисляет:

– Какие-то крутые кубинские Сигары – их чуть ли не сам Че Гевара крутил, судя по ценнику. Табак и курительная трубка – тут, судя по всему, наследство от Шерлока Холмса.

– Отличный подарок, – соглашаюсь я, но в двух шагах от именинника останавливаюсь. – Ты хоть раз видел, чтобы дядя Сережа курил?

Он задумывается.

– Нет. Но потравить конкурентов – это же милое дело! Уверен, что он подарки оценит!

Отец и мама уже вручили свой подарок и теперь просто разговаривают с именинником и его супругой. Заметив нас, отходят чуть в сторону.

– Дядя Сережа, – обняв его, целую в щеку, – поздравляю вас с праздником.

– Да уж, конечно, – бухтит тот, – придумали отмечать, как на год постарел.

Я тихо посмеиваюсь, потому что за долгие годы его дружбы с отцом хорошо его изучила. Не любит выставлять напоказ свои чувства, но доволен, что его жена опять расстаралась.

лась и столько гостей захотели прийти.

– Пусть здоровье вас и дальше не подводит, – желаю я, пока Филипп молча подсовывает пакет.

– А это, стало быть, поможет его продлить? – интересуется он, рассматривая содержимое.

– Конечно! – подхватываю я. – Можно, как думал Филипп, предлагать конкурентам. А можно просто смотреть и гордиться, от чего вы отказываетесь.

– Хороший подарок! – решает дядя Сережа. – Люблю, когда все понятно. А то твой отец мне вот удочку подарил и все прибабахи к ней, а я сиди теперь ночь и думай: то ли это намек, что надо себе новую «рыбку» ловить, то ли намек, что пора готовиться к пенсии и передавать дела молодым, то ли намек, что я дальше своего носа не вижу.

– Я тебе поищу, поищу новую «рыбку»! – грозит тетя Тамара, стоя у него за спиной.

Она делает шаг и тепло обнимает меня.

– А вот о том, чтобы уступить молодым, можно подумать. Смотри, какая смена у тебя – Анжелика, Валера. Думаешь, не справятся?

Дядя Сережа довольно усмехается, накручивает усы и подмигивает мне. Значит, Валера ему ничего не сказал... еще даже не подходил...

– Отец, – слышу за спиной знакомый голос, и мне только чудом удается сохранить улыбку, когда я боковым зрением вижу не только локоть Валеры, но и серебристую ткань. –

Я тоже хочу тебя поздравить. Эм... Мы. Мы хотим тебя поздравить. Познакомьтесь, это Милана.

Тетя Тамара изумленно распахивает глаза и пялится на незнакомую для нее девушку, которая вцепилась клещом в ее сына. Дядя Сережа, наоборот, ненадолго их закрывает, а потом со вздохом рявкает:

– Дохлый лещ! Накрылся мой отпуск по пенсии!

Дальше нам делать здесь нечего, и я отхожу, чтобы другие высказали свои поздравления.

– Анжелика, – останавливает меня тетя Тамара, тоже отойдя от мужа и сына. – Анжелика, пожалуйста, скажи, что это просто размолвка. Это ведь все не всерьез, да? Какая такая Милана? Что он себе придумал? Не нужна она ему! Солнышко, я уверена, все еще можно исправить.

Я хочу ей ответить, но это непросто. В горле как ком стоит. С ней мне говорить даже труднее, чем с ее сыном. Наверное, потому, что ей верю. Верю в то, что она и правда переживает, что хотела бы, чтобы все было как раньше. И она бы правда старалась, очень старалась.

– Анжелика, – продолжает она, обнимая меня. – Все обойдется, вот увидишь. Не нужна ему никакая Милана, и нам она не нужна. Все обойдется, девочка.

– Мне жаль.

Я качаю головой и высвобождаюсь из ее объятий. Сделав вид, что хочу выпить шампанского, отхожу к столику.

– Ты слышала: дохлый лещ? – раздается рядом со мной

голос Филиппа. – Похоже, дядя Сережа нашел применение удочке. А его сын эту рыбку уже даже поймал.

Я пожимаю плечом и беру бокал. Сделав глоток, чувствую приятную прохладу. Филипп отлучается поискать себе более серьезное спиртное, чтобы и дальше держаться и не въехать в глаз моему бывшему. Но побыть одной хоть какое-то время не получается.

– Анжелика, – звучит у меня за спиной голос одной из подружек. – Дорогая, мне так жаль, что Валера бросил тебя!

И это только первая ласточка. Вскоре за ней подтягиваются и другие.

– Извини, – говорю я очередной сожалеющей и киваю в сторону коридора, где находится дамская комната.

– Конечно-конечно, я вообще не представляю, как ты еще держишься!

Судя по всему, она считает, что расставание разбивает не сердце, а мочевой пузырь. Но я так устала выслушивать глупость, что очередную предпочитаю пропустить мимо ушей.

Я даже не представляла, сколько людей захочет подойти и лично убедиться, что я не убиваюсь по Валере. И не рыдаю. Да, у меня даже глаза не покрасневшие. Пожалуй, моя вереница переплюнула сегодня даже дяди Сережину.

– Валера был такой хорошей партией для тебя... Я не думала, что он тебя бросит... Кто бы только подумал, что он выберет не тебя... Но ничего-ничего, думаю, ты еще обязательно кого-нибудь встретишь... Я искренне полагаю

ла, что вы поженились, но вы так с этим тянули... Как ты, дорогая? Валера, конечно, поступил бессердечно! Даже если ты где-то и оступилась... Может быть, если ты к нему подойдешь и попросишь... Хочешь, я скажу ему, как ты сильно скучаешь по нему и...

Слова утешителей как эхо звучат под стук моих каблуков. Праздничный вечер, а я за час устаю так, как будто неделю работала без выходных и без Сони. Но больше всего болят щеки от постоянной улыбки.

Я захожу в кабинку только потому, что хочу хотя бы несколько минут побыть одна. Наберусь сил и вернусь.

Не раз я чувствовала на себе взгляды Валеры, но делала вид, что не замечаю его. Ни его, ни его спутницы. К чему там колье с рубинами и сапфирами? А браслет? Сережки у нее обычные, гвоздики в виде звездочек. Единственное, что подходит к платью, перешитому из костюма какого-то космонавта.

Я уже собираюсь выходить, когда в дамскую комнату заходят две женщины. Кабинки здесь еще есть, но они останавливаются у зеркала: просто пришли поболтать. Ну заодно обновят помаду, которую оставили на фужерах с шампанским.

– Видела? Нет, ты это видела? – спрашивает первая, посмеиваясь.

– Да уж конечно! – отзывается вторая. – Подумать только, а я еще идти не хотела! Такое представление пропустила бы!

Голоса изрядно подпитые, но я все равно их легко узнаю: Карина и Тайра. Сомневаюсь, что их так впечатлило выступление сонных музыкантов, и оказываюсь права.

– А ведь все считали, что они поженятся! Представляешь, я даже мучилась и думала, какой им выбрать подарок. Все-таки столько лет общаемся, хотелось что-то достойное, чтобы не обсудили! И что теперь?

– Не вздыхай, – успокаивает Тайра подружку. – Я так думаю, свадьба скоро все равно состоится. Ты видела, как она в него вцепилась? Дочка судьи. Заметь, единственная доченька своей маменьки – хорошая партия для карьеры. Как долго он еще будет на побегушках в своей прокуратуре? Причем не где-то там, на отшибе. Правильный выбор!

Я слышу, как какое-то время только щелкают их клатчи и пудреницы.

– Знаешь, а мне все-таки жаль Анжелику. Столько лет встречались, она же на него до сих пор смотрит как влюбленная кошка!

– Ну она сама виновата. Нужно было хватать его и тащить в загс! А она: «У нас чувства, нам все это не нужно». И карьера эта ее еще. Мне кажется, она больше времени у себя на работе проводила, чем в их постели. Вот пусть и пожинает плоды! Еще и на день рождения его папы пришла!

– Их семьи давно дружат, – замечает Карина. – Пришла – и молодец, тут я полностью на ее стороне.

– Ай, да ладно! – отмахивается Тайра. – Думаешь, ей есть

дело до его отца? Она же только ради Валеры здесь! Думала, может, удастся как-нибудь уговорить его помириться. Она бы еще на свадьбу к ним притащилась!

– Ох...

– Да не переживай ты так! У нее на это все равно духу не хватит! Ладно, пойдем, еще чуть-чуть посочувствуем...

Шаги, отрывается дверь, и наконец становится тихо.

Ну что ж, в этом тоже есть плюс. Поди знай, как бы меня обсыпало после подарка, врученного при таком отношении. Вообще, из расставания можно вынести много полезного. Правда, тех, кого считала хорошими друзьями, останется мало.

Выйдя из дамской комнаты, я останавливаюсь. Понятное дело, что нужно вернуться. Не хочу, чтобы стали трещать за спиной: «Ох, бедняжка, не выдержала!» Сочувствие куда хуже, чем открытая злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.